

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Госпитальный вал, д. 8/1, строение 2, Москва, 111020
Телефон/факс: 360-39-41, e-mail: apmo@bk.ru
ОКПО 59745860, ОГРН 1027708016654, ИНН/КПП 7708209651/770801001

Вестник Адвокатской палаты Московской области №4-2016 г.

(за IV квартал 2016 г.)

В Совете Палаты

РЕШЕНИЕ № 11/23-1 СОВЕТА АПМО от 28 ноября 2016 г.

О созыве XVI очередной конференции адвокатов Московской области

1. В соответствии со ст.ст. 30 и 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» созвать XVI очередную ежегодную конференцию адвокатов Московской области 03 февраля 2017г. по адресу: Москва, ул. Б. Никитская, дом 53, Центральный Дом литераторов.
Начало работы конференции в 11.00 часов.
Регистрация делегатов с 10 час. 15 мин.
2. Сформировать следующую повестку дня конференции:
 - 2.1. Отчет о деятельности Совета Адвокатской палаты Московской области в 2016г.
 - 2.2. О результатах ревизии финансово-хозяйственной деятельности палаты за отчетный период.
 - 2.3. Об утверждении исполнения сметы Адвокатской палаты Московской области за 2016 год и проекта сметы расходов на общие нужды адвокатской палаты на 2017 год.
 - 2.4. Обновление (ротация) Совета Адвокатской палаты Московской области.
 - 2.5. Выборы Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области.
 - 2.6. Выборы Ревизионной комиссии Адвокатской палаты Московской области.
 - 2.7. Выборы делегатов на очередной Всероссийский съезд адвокатов.
 - 2.8. Разное.
3. В соответствии с пп.3 п.3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определить норму представительства на XVI очередную ежегодную конференцию адвокатов Московской области один делегат от 20 адвокатов с действующим статусом, но не менее 1 делегата от каждой коллегии адвокатов и адвокатского бюро с учетом особенностей, отраженных в Порядке избрания делегатов и Регламенте проведения общих собраний адвокатов по избранию делегатов на ежегодную конференцию адвокатов Московской области, утвержденных Советом АПМО.

4. Определить, что в случае невозможности участия по уважительной причине избранного в установленном порядке делегата конференции его вправе замещать руководитель адвокатского образования, в котором адвокат, являющийся делегатом, осуществляет адвокатскую деятельность, либо адвокат-дублер, избранный на состоявшемся общем собрании адвокатского образования или общем собрании адвокатов судебного района по результатам голосования.
5. Утвердить Порядок избрания делегатов на очередную ежегодную конференцию адвокатов Московской области в новой редакции (прилагается).
6. Руководителям адвокатских образований и лицам, ответственным за проведение общих собраний, не позднее 20 января 2017г. с нарочным, либо электронно-факсимильной связью представить в кадровую службу АПМО протоколы по избранию делегатов на конференцию (форма прилагается).

Президент АПМО А.П.Галоганов

ПРИНЯТИЕ ПРИСЯГИ АДВОКАТА

(ст. 13 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»)

Успешно сдали Квалификационный экзамен и **19 октября 2016 г.** допущены
к принятию **ПРИСЯГИ АДВОКАТА**

Решение Совета АПМО № 10/1-	Фамилия, имя, отчество
--------------------------------------	------------------------

1.	АГАРУНОВ ФЕЛИКС БОРИСОВИЧ
2.	АКСЕНОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА
3.	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ
4.	ВАРАЕВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА
5.	ВОЛКОВ АНТОН СЕРГЕЕВИЧ
6.	ГАВРИЛОВ СТАНИСЛАВ ИГОРЕВИЧ
7.	ГОЛОВНЯ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
8.	ЗАХАРОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА
9.	КЕРЖАЕВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ
10.	КОЗЛОВСКАЯ ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
11.	КОРОЛЕВ РОМАН ОЛЕГОВИЧ
12.	КУНГУРОВА ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА
13.	МУХИН ЯРОСЛАВ ЮРЬЕВИЧ
14.	ОСПЕЛЬНИКОВ ИГОРЬ ЕВГЕНЬЕВИЧ
15.	ПЛОТНИКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ
16.	ПОПОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ
17.	ПОПОВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ
18.	СЕЛЕЗНЕВ ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ
19.	СЕРГИЕНКО АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ
20.	СЕРОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
21.	ТИХОНОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА
22.	ШВАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ГЕННАДЬЕВИЧ
23.	ШЕВЧЕНКО ЛАРИСА ВИКТОРОВНА
24.	ШЕВЧЕНКО ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА
25.	ШМЕЛЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА
26.	ИЛЬИН ДАНИЛА ВЛАДИМИРОВИЧ

ПРИНЯТИЕ ПРИСЯГИ АДВОКАТА

(ст. 13 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»)

Успешно сдали Квалификационный экзамен и **28 ноября 2016 г.** допущены к принятию **ПРИСЯГИ АДВОКАТА**

Решение Совета АПМО № 11/1-	Фамилия, имя, отчество
--------------------------------------	------------------------

1.	БАГДАСАРОВА ДИАНА РОМАНОВНА
2.	БЕССОНОВ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ
3.	ГАРАНИН АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
4.	ГРУНСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
5.	КАЗАКОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА
6.	КАЛГИН ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ
7.	КОЗЛОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА
8.	ЛЫЧАГИН ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ
9.	ОРЛОВ ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
10.	РОЗМЕТОВ АЛЕКСЕЙ РОМАНОВИЧ
11.	САФОНЕНКОВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ
12.	СОКОЛОВА ЕКАТЕРИНА АЛЬБЕРТОВНА
13.	ФЕДОТОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ
14.	ЦАРЬКОВА ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА
15.	ЯНОВИЧ ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА

ПРИНЯТИЕ ПРИСЯГИ АДВОКАТА

(ст. 13 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»)

Успешно сдали Квалификационный экзамен и **21 декабря 2016 г.** допущены к принятию **ПРИСЯГИ АДВОКАТА**

Решение Совета АПМО № 12/1-	Фамилия, имя, отчество
--------------------------------------	------------------------

1.	АТРОШКИН МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ
2.	БУРЛАКОВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ
3.	ГОЛДЕСОВА СНЕЖАНА НИКОЛАЕВНА
4.	ДЯТЛОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ
5.	ИЖИКОВ МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ
6.	МЕЛЬНИК СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ
7.	НАДМИДОВ АНТОН ОЛЕГОВИЧ
8.	НИКИТИН ЕВГЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ
9.	ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ
10.	ТАРАСЕНКО ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
11.	ТЕРЕХОВ ВИКТОР ГЕННАДЬЕВИЧ
12.	ФРОЛОВ ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ
13.	ШИЯН НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА
14.	ЯКОВЛЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
15.	ЯКОВЛЕВ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Дни заседаний

I	25
II	15
III	22

УТВЕРЖДЕН
решением Совета
Адвокатской палаты
Московской области
№12/23-4

от 21 декабря 2016г.

**ПЛАН
РАБОТЫ СОВЕТА
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
на I квартал 2017 г.**

1. Провести XVI очередную отчетно-выборную конференцию адвокатов Московской области.
(03 февраля 2017г; Центральный дом литераторов (Москва, ул. Б.Никитская, 53; станция метро «Баррикадная»); начало в 11.00; ответственные: президент АПМО Галоганов А.П., первый вице-президент Боровков Ю.М., вице-президенты Толчеев М.Н., Багян С.А.)
2. По данным ведомственной отчетности за 2016 год провести анализ занятости адвокатов Московской области в уголовном и гражданском судопроизводстве в порядке ст.51 УПК РФ, ст. 50 ГПК РФ и «Порядком предоставления юридической помощи бесплатно малоимущим, нуждающимся и гражданам РФ на территории Московской области».
(До 25 января 2017г., ответственные: президент АПМО Галоганов А.П., управляющий делами АПМО Румянцева Т.И.)
3. В рамках программы повышения профессионального уровня адвокатов, обучения стажеров и помощников адвокатов провести следующие мероприятия:
10 февраля 2017г., в 11.00 часов, в помещении адвокатской палаты (Москва, ул. Госпитальный вал, д. 8/1, стр. 2) семинар на тему: **«Собирание доказательств для уголовного процесса в случае ДТП, основанных на материалах информационных баз и банков данных с использованием компьютерного моделирования и реконструкцией событий»**
Ведущий семинара – Яртых Игорь Семенович, председатель КА «Яртых и коллеги», д.ю.н., профессор.
28 февраля 2017г.,
семинар на тему: **«Изменения в ГК РФ и правоприменительной практике в части признания сделок недействительными».**
Лектор – Толчеев Михаил Николаевич, вице-президент АПМО
Начало семинара – 11.00 часов.
Место проведения – ТГК «Измайлово», корпус «Гамма – Дельта», зал «Круиз».
17 марта 2017г.,
семинар на тему: **«Обзор Кодекса РФ об административном судопроизводстве».**
Лектор – Никифоров Александр Владимирович, зам. председателя Президиума МОКА, к.ю.н.
Начало семинара – 11.00 часов.
Место проведения – ТГК «Измайлово», корпус «Гамма – Дельта», конференц-зал «Ростов»
4. Для претендентов, успешно прошедших квалификационное испытание, ежемесячно проводить семинарские занятия по программе, размещенной на сайте АПМО (arpo.ru)
(Ответственный - вице-президент АПМО Багян С.А.)

5. **31 января 2017г.**, в 18.30, в малом зале Центрального Дома литераторов (Москва, ул. Б. Никитская, д.53) совместно с Московским отделением Союза писателей РФ провести творческий вечер “Литература. Творчество. Право”.
(Ответственный - адвокат, д.ю.н. Цуков Евгений Александрович)

За второе полугодие 2016 г. на рассмотрение Квалификационной комиссией АПМО поступило 159 дисциплинарных производств. В 80 случаях в качестве повода для возбуждения дисциплинарного производства выступали жалобы доверителей, в 58 – представления Вице-президента АПМО, в 8 – обращения судов, в 9 – представления У МЮ РФ по МО и в 4 – жалобы адвокатов.

По результатам рассмотрения доводы 36 жалоб доверителей были признаны обоснованными и комиссия дала заключение о наличии в действиях адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и (или) ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителями. Аналогичный показатель по рассмотрениям представлений Вице-президента АПМО составил 50, из которых 39 представлений выносились в связи с неисполнением адвокатами обязанности по обязательному отчислению за счет получаемого вознаграждения средств на общие нужды адвокатской палаты. Также наличие нарушений установлено по результатам рассмотрения 2 обращений судов и 1 жалобы адвоката.

8 жалоб в отношении адвокатов были впоследствии отозваны заявителями, по 2 обращениям комиссия пришла к выводу об отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. По 65 обращениям комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, либо вследствие надлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей перед доверителем. 8 дисциплинарных производств рассматривались комиссией повторно в связи с принятием соответствующего решения Советом АПМО.

1. Решение коллегиального исполнительного органа ФПА РФ не может быть использовано с целью злоупотребления правом на защиту, рассматриваться как препятствующее суду справедливо и в разумные сроки рассмотреть уголовное дело, что может выражаться в преднамеренном срыве адвокатом по соглашению судебного заседания.

20.06.2016 г. в АП МО поступила жалоба адвоката Г. в отношении адвоката Д. в которой заявитель сообщает, что он, на основании соглашения, осуществляет защиту по уголовному делу, на следствии, в прокуратуре и в суде А. 25.04.2016 г. в С-ом городском суде состоялось судебное заседание по продлению меры пресечения А. Заявитель об этом судебном заседании извещён не был. В качестве защитника по назначению был приглашён Д. Участвуя в судебном заседании, Д. прямо нарушил ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», Решение Совета ФПА РФ «О двойной защите», Устав АП МО. Адвокат к защите отнёсся формально, А. не консультировал, правовой позиции не выяснил, с материалами о продлении срока содержания под стражей не знакомился. В результате срок содержания под стражей А. был неправомерно продлён. В жалобе ставится вопрос о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности. К жалобе заявителем приложена копия постановления С-го городского суда от 25.04.2016 г. о продлении А. срока содержания под стражей.

Адвокатом представлены письменные объяснения, в которых он не согласился с доводами жалобы и, не отрицая факта защиты А. в порядке ст. 51 УПК РФ в С-ом городском суде 25.04.2016 г., пояснил, что как ему сообщил по телефону помощник судьи, в указанную дату адвокат по соглашению (заявитель Г.) явился в суд, но без разрешения председательствующего и без уважительных причин покинул зал суда. Адвокат ознакомился с материалами, представленными в суд для рассмотрения вопроса о продлении срока содержания под стражей, встретился с подзащитным А. и тот выразил желание, чтобы его защиту осуществлял адвокат по соглашению. Д. сообщил А. о сложившейся ситуации, но он не поверил. Тогда адвокат повторно изучил материалы, представленные в суд и обнаружил, что там отсутствуют данные о надлежащем извещении адвоката по соглашению. Он сообщил об этом секретарю, а также

пояснил, что при таких обстоятельствах не может осуществлять защиту А. Однако, секретарь попросила адвоката Д. спуститься к судебным приставам и там, после ознакомления с журналом прохода через КПП в здание С-ого суда, было установлено, что адвокат по соглашению – Г. действительно в 17.30 ч. прошёл в здание суда. В 18.40 ч. судебное заседание было открыто. Секретарь суда сделала телефонный звонок адвокату Г. и сообщила о невозможности его явки. Для обеспечения явки адвоката Г. был объявлен перерыв, поскольку адвокат Г. так и не явился в суд. Спустя один час, в 19.40 ч. судебное заседание было возобновлено. Вместе с предусмотренными законом правами, сложившаяся ситуация была разъяснена А. Он пояснил, что ему всё понятно, ходатайств и заявлений от него не поступало и это зафиксировано в протоколе судебного заседания. Адвокат Д. участвовал в судебном заседании, впоследствии обжаловал постановление суда об избрании меры пресечения. В определении Московского областного суда отдельно указывается «адвокат Г. находился в С-ом городском суде... беседовал со следователем, знал для какой цели он приглашён, но в дальнейшем... покинул здание суда». Кроме того, адвокат Д. сообщает, что с участием адвоката Г. мера пресечения А. продлевалась семь раз.

К письменным объяснениям адвоката приложены копии следующих документов:

- ордера адвоката на защиту А. при рассмотрении судом вопроса о продлении меры пресечения;
- постановления С-го городского суда от 25.04.2016 г. о продлении А. меры пресечения;
- апелляционной жалобы адвоката Д. на вышеуказанное постановление суда;
- ходатайства адвоката о восстановлении процессуального срока;
- постановления С-го городского суда об удовлетворении ходатайства о восстановлении срока;
- апелляционного постановления М-го суда от 19.05.2016 г. по жалобе на постановление С-го городского суда от 25.04.2016 г. о продлении А. срока содержания под стражей;
- выписки из журнала прохода в здание С-го городского суда МО.

Заявитель Г. извещён надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание комиссии не явился, в связи с чём, членами комиссии, на основании п. 3 ст. 23 КПЭА, принято решение о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

В заседании комиссии представитель адвоката Д. – адвокат П. поддержал доводы, изложенные в письменных объяснениях.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

В силу п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

Доводы жалобы Г. сводятся к тому, что адвокат Д. нарушил Решение Совета ФПА РФ от 27.09.2013 г. № 1, поскольку участвовал 25.04.2016 г. в судебном заседании при рассмотрении вопроса о продлении меры пресечения А. в качестве защитника-дублёра, в судебном заседании защиту не осуществлял, с материалами дела не ознакомился.

И. О наличии в действиях адвоката нарушения Решение Совета ФПА РФ от 27.09.2013 г. № 1. В указанном Решении от 27.09.2013 г. Совет ФПА РФ разъяснил, что адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в суде в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем. Отказ подсудимого от защитника-дублера в данной ситуации является обоснованным и исключающим вступление адвоката в дело в качестве защитника по назначению. Совет ФПА РФ указал, что исполнение адвокатом роли «дублера» следует рассматривать в качестве дисциплинарного проступка, влекущего дисциплинарную ответственность вплоть до прекращения статуса.

Вместе с тем, комиссия считает, что решение коллегиального исполнительного органа ФПА РФ не может быть использовано с целью злоупотребления правом на защиту, рассматриваться как препятствующее суду справедливо и в разумные сроки рассмотреть уголовное дело, что может выражаться в преднамеренном срыве адвокатом по соглашению судебного заседания.

Как следует из представленной выписки из журнала прохода в здание С-го городского суда МО, заявитель - адвокат Г. 25.04.2016 г. в 17.30 ч. прошёл в здание суда к судье М-к. Впоследствии М-ий суд указал в постановлении от 19.05.2016 г., принятое по жалобе на постановление С-го городского суда от 25.04.2016 г. о продлении А. срока содержания под стражей, что «адвокат Г. находился в С-ом городском суде... беседовал со следователем, знал для какой цели он приглашён, но в дальнейшем... покинул здание суда».

Комиссия также отмечает, что А. от адвоката по назначению не отказывался, ходатайство о приглашении адвоката Г. не заявлял. Поэтому в сложившейся ситуации иное поведение адвоката Д. указывало бы на него не как на профессионального независимого советника по правовым вопросам, а как на инструмент по затягиванию рассмотрения судом вопроса о продлении меры пресечения, что, безусловно, недопустимо.

Таким образом, комиссия считает, что, при изложенных обстоятельствах, адвокатом Д. не было допущено нарушения Решения Совета ФПА РФ от 27.09.2013 г. (прот. № 1).

II. О наличии в действиях адвоката нарушений п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В силу п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ осуществляется устно, на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

Доводы обвинения, выдвинутого заявителем в отношении адвоката, равно как и доводы объяснений адвоката, должны подтверждаться надлежащими, непротиворечивыми доказательствами.

Адвокатом Г. не представлено доказательств формального отношения адвоката Д. к своим обязанностям. Напротив, адвокатом Д. представлена апелляционная жалоба, принесённая им на постановление С-го городского суда от 25.04.2016 г. о продлении А. меры пресечения, что опровергает утверждение о формальном отношении адвоката к обязанности по осуществлению защиты и незнанию материалов дела.

Комиссия также отмечает, что А. с жалобой на действия адвоката Д. не обращался.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия признает, что в полученных в ходе разбирательства фактических данных отсутствуют сведения, свидетельствующие о нарушении адвокатом Д. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и даёт заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении указанного адвоката.

2. По общему правилу, адвокат по назначению, действуя разумно и добросовестно, должен был потребовать от следователя доказательств надлежащего уведомления адвокатов по соглашению и при их непредставлении не должен принимать поручение на защиту в порядке ст. 51 УПК РФ.

06.07.2016 г. в АПМО поступила жалоба адвоката Н. в отношении адвоката Г. в которой адвокат сообщает, что 22.06.2016 г. его подзащитному З. была изменена мера пресечения на заключение под стражу. В суде его интересы в порядке ст. 51 УПК РФ представляла адвокат Г., хотя З. сообщил, что у него имеется адвокат по соглашению и возражал против её участия в деле.

Адвокат Н. не был уведомлен о данном судебном заседании.

В жалобе ставится вопрос о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности.

К жалобе заявителем приложены копии следующих документов:

- постановления судьи К-го городского суда МО от 22.06.2016 г. об изменении меры пресечения З.;
- жалобы З. на адвоката Г.;
- заявления адвоката Н. об отводе судьи и дополнений к нему;
- постановления об отказе в удовлетворении ходатайства об отводе судьи.

Заявитель - адвокат Н. в заседание Квалификационной комиссии не явился, извещён надлежащим образом, в связи с чем дисциплинарное производство рассмотрено в его отсутствие.

В письменных объяснениях адвокат сообщает, что она действительно 22.06.2016 г. осуществляла защиту З. в судебном заседании, в порядке ст. 51 УПК РФ, при рассмотрении вопроса об изменении ему меры пресечения. З. устно заявил ходатайство об отводе назначенного защитника, адвокат его поддержала, но суд в удовлетворении ходатайства отказал. Поэтому адвокат продолжила защиту З. в порядке ст. 51 УПК РФ.

К объяснениям приложены копии следующих документов:

- извещения о выделении защитника З.;
- заявления адвоката Г. об ознакомлении с материалами дела;
- постановления судьи К-го городского суда МО об отказе в удовлетворении ходатайства об отводе защитника;
- письма судьи К-го городского суда МО, в котором сообщается, что адвокат Н. при осуществлении защиты З. предоставляет листки нетрудоспособности З. и вводит суд в заблуждения относительно его состояния здоровья.

В заседании комиссии адвокат Г. подтвердила доводы, изложенные в письменных объяснениях, дополнительно пояснила, что адвокат Н. находился в зале судебного заседания, но подтвердить данное обстоятельство она не может, поскольку в журнале посещений здания К-го городского суда МО отсутствует отметка о его прохождении, а камеры в суде не работали.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, заслушав адвокат и изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

В силу п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

При этом, комиссия считает, что доводы жалобы З. не могут быть приняты во внимание, поскольку, как следует из жалобы адвоката Н., З. изменена мера пресечения на заключение под стражу.

Согласно ч. 3 ст. 15 УИК РФ, направление предложений, заявлений, ходатайств и жалоб осужденных к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, лишению свободы, смертной казни и получение ответов на данные предложения, заявления, ходатайства и жалобы осуществляются через администрацию учреждений и органов, исполняющих наказания.

Согласно ч. 2 ст. 91 УИК РФ, в качестве общего правила устанавливается, что получаемые и отправляемые осужденными письма, почтовые карточки и телеграммы подвергаются цензуре со стороны администрации исправительного учреждения.

Не подлежат цензуре обращения, исчерпывающе определённые в ч. 4 ст. 15 УИК РФ.

Дисциплинарные органы адвокатской палаты субъекта РФ в данный перечень не входят. Поэтому не могут быть приняты во внимание доводы обращений, заявлений, жалоб, поступившие в адвокатскую палату субъекта РФ в обход порядка, предусмотренного законом.

В жалобе адвоката Н. указывается на нарушение адвокатом Г. Решения Совета ФПА РФ от 27.09.2013 г. о защитниках-дублёрах. В данном решении Совет ФПА РФ разъяснил, что адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в суде в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем. Отказ подсудимого от защитника-дублера в данной ситуации является обоснованным и исключающим вступление адвоката в дело в качестве защитника по назначению. Совет ФПА РФ указал, что исполнение адвокатом роли «дублера» следует рассматривать в качестве дисциплинарного проступка, влекущего дисциплинарную ответственность вплоть до прекращения статуса.

Комиссией установлено, что З. отказывался от назначенного ему в порядке ст. 51 УПК РФ защитника Г.

В Решении Совета ФПА РФ от 27.09.2013 г. особо подчёркивается, что адвокат по назначению не вправе участвовать в деле вопреки воле подзащитного. Данная позиция основана на Определении КС РФ от 17.10.2006 г. № 424-О и Определении от 08.02.2008 г. № 251-О-П.

Оценивая данное решение, Совет АПМО в своих решениях указывал, что юридически значимым здесь является факт надлежащего уведомления адвоката по соглашению о следственных действиях, проводимых с подзащитным и адвокат по назначению, действуя разумно и добросовестно, должен был потребовать от следователя доказательств надлежащего уведомления адвокатов по соглашению и при их непредставлении не должен был принимать поручение на защиту в порядке ст. 51 УПК РФ. Надлежащее исполнение этой обязанности должно быть доказано адвокатом, принявшим поручение на защиту в порядке ст. 51 УПК РФ. Также Совет АПМО отмечал, что во избежание нарушений, связанных с «двойной защитой», адвокату надлежит убедиться в том, что адвокат по соглашению заблаговременно (5 суток) уведомлен о проводимом следственном действии, разъяснить подзащитному его права и последствия отказа, по возможности связаться с адвокатом по соглашению по телефону.

Аналогичное требование в полной мере распространяется и на исполнение поручения на защиту лица в порядке ст. 51 УПК РФ в суде.

Адвокатом Г. не представлено доказательств исполнения данной обязанности. Более того, в своих объяснениях, адвокат ссылается на положения ч. 2 ст. 52 УПК РФ о необязательности для суда отказа от назначенного защитника, без учёта того, что данная норма закона подлежит применению с учётом разъяснений, данных КС РФ в Определении КС РФ от 17.10.2006 г. № 424-О и Определении от 08.02.2008 г. № 251-О-П.

Приобретение лицом статуса адвоката предполагает не только наделение его определёнными правами, но и налагает на него ответственность за исполнение обязанностей, предусмотренных законом, в частности обязанности исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта РФ, Федеральной палаты адвокатов РФ, принятые в пределах их компетенции (п.п. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

На основании изложенного, Квалификационная комиссия считает, что адвокатом Г. допущены нарушения п.п. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», выразившееся в неисполнении Решения Совета ФПА РФ от 27.09.2013 г.

3. Вовлечение судебно-следственных органов в разрешение спорной ситуации, возникшей между адвокатскими образованиями о порядке исполнения требований ст. 51 УПК РФ, недопустимо и оказывает негативное влияние на авторитет общественного института адвокатуры, который, безусловно, является самостоятельной ценностью.

В распоряжении Президента АПМО о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Д. указывается, что председатель Н-ой коллегии адвокатов Д. в нарушение Порядка оказания юридической помощи бесплатно и участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, суда или по поручению Совета АПМО, утвержденного Решением Совета АПМО №4 от 11.12.2002 г. с последующими изменениями, направил письмо на имя Председателя Н-го городского суда о направлении всех заявок мировыми и городскими судьями района исключительно в Н-ю коллегию адвокатов. В дальнейшем в нарушение указанного Порядка председателем Н-ой коллегии адвокатов Д. вне графика дежурств, установленного представителем Совета АПМО в Н-ом судебном районе и доведенного до сведения руководителей адвокатских образований, председателем Н-го суда было дано указание о направлении всех заявок о выделении адвоката в порядке ст. 51 УПК РФ в Н-ю городскую коллегию адвокатов.

К представлению приложены следующие документы:

- письмо представителя Совета АПМО в Н-ом судебном районе Президенту АПМО в котором сообщаются факты, изложенные в представлении Вице-президента АПМО;
- письмо Председателю Н-го городского суда от Д., в котором он просит в отношении адвокатов Н-ой городской коллегии адвокатов, участвующих в защите по назначению на стадии предварительного расследования, направлять заявки на выделение адвоката непосредственно в Н-ю городскую коллегию адвокатов.

Адвокатом представлены письменные объяснения, в которых он не согласился с доводами представления, пояснив, что в своём обращении к Президенту АПМО представитель Совета АПМО в Н-ом судебном районе излагает сведения, не соответствующие действительности, график дежурств адвокатов своевременно не составляется (был направлен в суд только в июле 2016 г.). С апреля 2016 г. адвокат трижды обращался к ней с просьбой о составлении графика дежурств, в его письме председателю суда говорится не обо всех заявках, которые необходимо направлять в Н-ую городскую коллегия адвокатов, а только о тех, по которым в ходе следствия защиту осуществляли адвокаты данной коллегии, что полностью соотносится с требованиями порядка, установленного Советом АПМО. Кроме того, Совет АПМО не устанавливает, что все заявки судов и следователей должны поступать к представителям в судебных районах. К письменным объяснениям адвоката приложены копии документов, подтверждающие доводы, изложенные в письменных объяснениях.

В заседании комиссии адвокат Д. поддержал доводы, изложенные в письменных объяснениях, на вопросы членов комиссии пояснил, что К. не проводила совещания адвокатов, о наличии графика дежурств ему известно, но он был составлен позднее, не в апреле 2016 г. К. сама не соблюдает порядок, установленный Советом АПМО, обращение к председателю суда было вызвано необходимостью реализации п. 3.3. указанного Порядка, в котором прямо указано, что адвокат, принявший поручение по уголовному делу в порядке ст.51 УПК РФ, ведет дело до его окончательного рассмотрения в суде.

Рассмотрев доводы представления, заслушав адвоката и изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

Советом Адвокатской палаты Московской области в соответствии с полномочиями, предусмотренными п.5 ч.3 ст. 31 и во исполнение требований ч.1 ст. 44 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» №63-ФЗ от 31.05.2002г. установлен Порядок оказания юридической помощи бесплатно и участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, суда или по поручению Совета АПМО (утв. Решением Совета АПМО № 4 от 11.12.2002 г.) (далее – Порядок).

В силу п. 3.1. и 3.2 указанного Порядка, обязанность обеспечения требований ст.51 УПК РФ, оказания бесплатной юридической помощи гражданам в порядке ст.50 ГПК РФ и по другим основаниям возлагается на представителей Совета АПМО в судебных районах и на руководителей адвокатских образований, расположенных на территории судебного района, а также осуществляется по решению Совета АПМО.

Представителями Совета АПМО по организации защиты в порядке ст.51 УПК РФ в судебном районе, а также профессиональной деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи бесплатно в порядке ст.50 ГПК РФ и по иным основаниям устанавливается очередность выполнения требований об обязательном оказании бесплатной юридической помощи соответствующим графиком, принятым руководителями адвокатских образований судебного района. Уведомление о назначении защитника направляется в адвокатское образование, состоящее в реестре адвокатских образований МО, которое согласно имеющемуся графику, осуществляет дежурства по обеспечению защиты по назначению на территории судебного района.

Как следует из объяснений адвоката Д. и представленных им документов, в Н-ом судебном районе сложилась конфликтная ситуация, вызванная несвоевременным исполнением Представителем Совета АПМО своих обязанностей по составлению графика дежурств адвокатов и представления его в судебно-следственные органы.

Вместе с тем, комиссия отмечает, что данный вопрос не подлежит рассмотрению в рамках данного дисциплинарного производства. При разрешении доводов сторон комиссия считает необходимым учитывать, что согласно п. 1 ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Совет АПМО не только не обязывает представителей к организации бесплатной, по назначению судебно-следственных органов, юридической помощи, но и наделяет их

определёнными полномочиями. В частности, Положение о представителе Совета АПМО в судебном районе (утв. Решением Совета АПМО от 13.03.2006 г. прот. № 03), обеспечивает координацию деятельности адвокатских образований в соответствующем судебном районе (п. 7). Таким образом, вовлечение судебно-следственных органов в разрешение спорной ситуации, возникшей между адвокатскими образованиями, недопустимо и оказывает негативное влияние на авторитет общественного института адвокатуры, который, безусловно, является самостоятельной ценностью. В рассматриваемой ситуации адвокат Д., будучи руководителем адвокатского образования, должен был, прежде всего, разрешать вопрос о надлежащем исполнении п. 3.3. Порядка с представителем Совета АПМО в судебном районе, а при отказе представителя от надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, информировать Совет АПМО для принятия соответствующих мер реагирования.

На основании изложенного, Квалификационная комиссия считает, что адвокатом Д. допущены нарушения п.п. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», выразившиеся в неисполнении Порядка оказания юридической помощи бесплатно и участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, суда или по поручению Совета АПМО, принятого решением Совета АПМО от 11.12.2002 г. № 4.

4. В ситуации, когда адвокат не представив ордера на осуществление защиты, требует от суда согласования дат судебных заседаний, заявляет ходатайства о переносе судебных заседаний, не подтверждая при этом свою занятость документально, он проявляет явное неуважение к суду.

В распоряжении Президента АПМО о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката К., основанном на обращении судьи С., указывается, что адвокат К. осуществлял защиту подсудимого А., на предварительном следствии. Адвокат не является на судебные заседания, хотя надлежащим образом извещен. В адрес суда от адвоката К., поступило три ходатайства, в которых он указывает, что у него заключено соглашение на осуществление защиты А., однако ордер на защиту в суд первой инстанции, до настоящего времени не представил. Также, адвокат К., дважды просил отложить рассмотрение дела в связи с занятостью в другом процессе, хотя документов, подтверждающих занятость, не предоставлял.

Адвокат К. в отношении доводов обращения пояснил, что у него возник конфликт с судьёй С., поскольку она не согласовывала с ним даты судебных заседаний. О судебных заседаниях адвокат узнавал на интернет-сайте суда, судебных повесток ему не приходило, дозвониться в суд было невозможно. Все ходатайства отправлял в суд по электронной почте.

К материалам дисциплинарного производства приобщены копии переписки адвоката с судом по e-mail.

Заявитель – судья С. в заседание комиссии не явилась, о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства извещена надлежащим образом, в связи с чем комиссией, на основании п. 3 ст. 23 КПА, принято решение о рассмотрении дисциплинарного производства в её отсутствие.

Рассмотрев доводы обращения и заслушав адвоката, комиссия приходит к следующим выводам. Адвокат К. не оспаривает обстоятельства, изложенные в обращении судьи, объясняя свои действия ненадлежащим извещением о времени и месте судебных заседаний. При этом, адвокат не отрицает, что ордер в материалы дела им представлен не был.

Согласно ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду.

В силу ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием. Согласно ч. 4 ст. 49 УПК РФ, адвокат допускается

к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

Комиссия считает, что в ситуации, когда адвокат не представив ордера на осуществление защиты, требует от суда согласования дат судебных заседаний, заявляет ходатайства о переносе судебных заседаний, не подтверждая при этом свою занятость документально, он проявляет явное неуважение к суду. Адвокатом не представлено доказательств невозможности передачи суду ордера, подтверждающего его полномочия, в частности невозможности передачи ордера через канцелярию или экспедицию суда. В свою очередь, у суда отсутствовали правовые основания считать, что защиту А. осуществляет адвокат К.

Далее комиссия отмечает, что представленные адвокатом ходатайства о переносе судебных заседаний действительно не содержат в качестве приложений каких-либо документов, подтверждающих его занятость по другим делам, что позволяет считать подтвержденным доводы обращения.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия приходит к выводу о наличии в действиях (бездействии) адвоката К. нарушения ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

5. Незнание адвокатом законодательства, регламентирующего процессуальный порядок защиты адвокатом прав доверителя, нельзя оценивать иначе как грубую и очевидную ошибку адвоката, допущенную при исполнении поручения доверителя и приведшую, в частности, к пропуску срока на обращение в суд в порядке административного судопроизводства.

В распоряжении Президента АПМО о возбуждении дисциплинарного производства по жалобе доверителя К. в отношении адвоката Л. указывается, что К. обратился к адвокату в январе 2016 г. за юридической помощью по вопросу о незаконном увольнении с военной службы по контракту. 22.01.2016 г. адвокату выдана доверенность. 02.02.2016 г. адвокат Л. сообщил, что документы поданы в судебные органы и в течение двух месяцев станет известен результат рассмотрения данного дела. В дальнейшем заявитель узнал, что документы были возвращены в адрес адвоката Л., который заверил, что будет подавать иск в суд о восстановлении на военной службе по контракту, о признании незаконным приказа командира в части, касающейся увольнения и исключения из списков части. Однако заявителю стало известно, что подавать исковое заявление по данной категории дел нельзя, так как данные дела относятся к категории административных дел, и право необходимо восстанавливать путем подачи административного искового заявления. Процессуальный срок на подачу административного искового заявления по делам об обжаловании решений, действий (бездействий) должностных лиц и госорганов в соответствии с Кодексом административного судопроизводства РФ составляет три месяца. С марта 2016 г. адвокат не отвечает на телефонные звонки и сообщения. К настоящему времени пропущен процессуальный срок подачи административного искового заявления в М-кий гарнизонный военный суд. Кроме этого, адвокат ненадлежащим образом оформил договорные отношения с заявителем - письменного договора не составил.

К жалобе заявителем приложена выписка из реестра совершения нотариальных действий, подтверждающая составление доверенности на имя адвоката Л. и копия смс-переписки с адвокатом.

В заседании комиссии заявитель К. поддержал доводы, изложенные в жалобе, на вопросы членов комиссии пояснил, что адвокат вернул ему документы, не хватает только постановления о прекращении уголовного дела.

Адвокат Л. в отношении доводов жалобы пояснил, что он не отрицает, что по его вине был пропущен трёхмесячный срок на обращение в суд и он не отрицает, что работал без заключения соглашения. Все документы ему передавались через П., заявителя он не видел. Адвокат предложил вернуть деньги, но заявитель не ответил.

Рассмотрев доводы жалобы и заслушав адвоката и заявителя, комиссия приходит к следующим выводам.

В силу п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно

отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

Комиссия в своих заключениях неоднократно отмечала, что являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»), адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он может и должен совершить для надлежащей защиты прав и законных интересов доверителя. Границами такой самостоятельности выступают требования п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также нормы соответствующего процессуального законодательства.

Поэтому комиссия проверяет формальное соответствие действий адвоката по исполнению поручения доверителя требованиям законодательства об адвокатской деятельности, отсутствие грубых и очевидных ошибок адвоката при исполнении поручения доверителя.

В заседании комиссии заявитель пояснил, что его увольнение с воинской службы последовало 22.12.2015 г. В соответствии со п.п. 2 п. 2 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства (КАС РФ), дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов военного управления рассматриваются в порядке административного судопроизводства. КАС РФ введен в действие с 15.09.2015 г. (ст. 1 ФЗ от 08.03.2015 г. № 22-ФЗ). Однако, адвокат обратился в суд в порядке искового производства. Комиссия считает, что такие действия, свидетельствуют о незнании адвокатом законодательства, и их нельзя оценивать иначе как грубую и очевидную ошибку адвоката, приведшую к пропуску срока на обращение в суд в порядке административного судопроизводства.

Кроме того, надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только исполнение предмета соглашения об оказании юридической помощи, но и надлежащее оформление договорных отношений с доверителем.

В соответствии с п.п. 1 и 2 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Данное требование является обязательным для исполнения при оказании адвокатом любой юридической помощи и не имеет каких-либо исключений. По рассматриваемому дисциплинарному производству адвокат не отрицает отсутствия письменного соглашения на оказание юридической помощи заявителю.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия приходит к выводу о наличии в действиях адвоката Л. нарушений п.п. 1 п. 1 ст. 7, п. 1 и 2 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем К.

6. Адвокат самостоятельно, за исключением случаев оказания юридической помощи по назначению судебно-следственных органов, решает вопрос о возможности работы с тем или иным доверителем. Ни руководитель адвокатского образования, ни другой адвокат, не вправе оказывать на него какое-либо давление в вопросе о возможности принятия поручения доверителя.

Требование об осуществлении адвокатской деятельности на основании письменного соглашения об оказании юридической помощи является обязательным для исполнения при оказании адвокатом любой юридической помощи и не имеет каких-либо исключений, в том числе связанных с некой «клиентоориентированностью» конкретной коллегии адвокатов.

Получение адвокатом денежных средств на принадлежащую ему банковскую карту, т.ч. для «ускорения процесса написания жалобы», противоречит п. 6 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», является грубым нарушением прав доверителя, не может рассматриваться иначе, как совершение адвокатом действий, направленных к подрыву доверия.

11.05.2016 г. в АП МО поступила жалоба Ч. в отношении адвоката Н. в которой заявительница сообщает, что 06.04.2016 г. она обратилась к адвокату за оказанием юридической помощи несовершеннолетней племяннице, которую незаконно поставили на учёт в ОДН. 08.04.2016 г. адвокату на банковскую карту были перечислены 12 000 рублей. Заявительница получила от адвоката письмо - подтверждение в получении денежных средств и ориентацию на телефонный звонок другого адвоката 11.04.2016 г. (для получения соглашения и квитанции). Поскольку телефонный звонок не поступил, заявительница сама пыталась связаться с адвокатом, но он на телефонные звонки не отвечал, также не отвечали стационарные телефоны адвокатского образования. 13.04.2016 г. заявительница получила от адвоката один документ – обращение в суд, которое практически полностью дублировало обращение заявительницы в прокуратуру и содержало несколько абзацев без ссылок на закон, которые не отличались лексической грамотностью. 15.04.2016 г. заявительница получила итоговое обращение в суд, адвокат предупредил, что замечания Ч. значения не имеют. Ч. позвонила адвокату и попросила представить документы (обращение в суд и обращение в прокуратуру) не позднее 16.04.2016 г. Поскольку документов заявительница не получила, 17.04.2016 г. она обратилась с претензией к адвокату, 18.04.2016 г. от адвоката был получен ответ, содержащий ссылки на несуществующие договорённости. Заявительница была вынуждена обратиться к другому специалисту. 20.04.2016 г. от адвоката было получено письмо о готовности к возврату денежных средств, но до настоящего времени вознаграждение не возвращено.

В жалобе ставится вопрос о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности.

К жалобе приложены копии электронной переписки, подтверждающей доводы, изложенные в жалобе и копия чека о переводе денежных средств на банковскую карту.

Заявитель Ч. в заседании Квалификационной комиссии не явилась, извещена надлежащим образом, в связи с чем членами комиссии, на основании п. 3 ст. 23 КПЭА, принято решение о рассмотрении дисциплинарного производства в её отсутствие.

Адвокат Н. представил письменные объяснения, согласно которым адвокат считает жалобу незаконной и необоснованной, поскольку Ч. не является его доверителем, она сама неоднократно уклонялась от оформления соглашения с адвокатом, ей изначально было сообщено, что составлением жалобы будет заниматься другой адвокат. Он передал документы заявителя для исполнения другому адвокату, но тот отказался работать. Денежные средства возвращены Ч. в полном объёме.

К письменным объяснениям адвоката приложена копия переписки между адвокатом и заявителем, копия банковской выписки о переводе денежных средств, копия искового заявления о возмещении ущерба.

В заседании комиссии адвокат поддержал доводы, изложенные в письменных объяснениях, на вопросы членов комиссии пояснил, что письменного соглашения между ним и Ч. не заключалось, денежные средства были перечислены на банковскую карту, а не на счёт коллегии, для ускорения процесса составления жалобы. Заявитель просила включить в жалобу сведения не соответствующие действительности, ей было отказано. Коллегия, в которой осуществляет адвокатскую деятельность Н., является «клиентоориентированной», поэтому соглашение заключается по желанию клиента. Несмотря на полный возврат денежных средств, для Ч. были составлены и направлены ей две жалобы.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, заслушав адвоката и изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

Прежде всего, комиссия считает, что представленные материалы опровергают довод адвоката о том, что Ч. не являлась его доверителем. Представленная заявителем переписка с адвокатом подтверждается адвокатом и позволяет сделать вывод о том, что Ч. обращалась к Н. именно как к адвокату и обоснованно, учитывая также, что вознаграждение перечислялось на его банковскую карту, рассчитывала на исполнение им принятого поручения.

Комиссия также отмечает, что в силу п. 15 ст. 22 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов. В коллегии

адвокатов адвокат самостоятельно, за исключением случаев оказания юридической помощи по назначению судебно-следственных органов, решает вопрос о возможности работы с тем или иным доверителем. Ни руководитель адвокатского образования, ни другой адвокат, не вправе оказывать на него какое-либо давление в вопросе о возможности принятия поручения доверителя.

В силу п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

В соответствии с п.п. 1 и 2 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Данное требование является обязательным для исполнения при оказании адвокатом любой юридической помощи и не имеет каких-либо исключений, тем более связанных с некой «клиентоориентированностью» коллегии адвокатов. По рассматриваемому дисциплинарному производству адвокат не отрицает отсутствия письменного соглашения на оказание юридической помощи заявителю.

Далее комиссия отмечает, что в силу п. 6 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Законодательство об адвокатской деятельности не предусматривает каких-либо исключений из данного порядка внесения доверителем вознаграждения адвокату. Получение адвокатом денежных средств на принадлежащую ему банковскую карту, т.ч. для «ускорения процесса написания жалобы», противоречит вышеуказанной норме закона, является грубым нарушением прав доверителя, не может рассматриваться иначе, как совершение адвокатом действий, направленных к подрыву доверия (п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия приходит к выводу о наличии в действиях (бездействии) адвоката Н. нарушений п.п. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 и 6 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем Ч.

7. Отказ адвоката от расторжения заявителем соглашения в одностороннем порядке не может рассматриваться как разумное, честное, добросовестное исполнение поручения доверителя, поскольку последний вправе расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи, без объяснения каких либо причин.

Ссылка адвоката на компенсацию упущенной выгоды не может рассматриваться как разумное и добросовестное обоснование невозможности возврата части гонорара.

Позиционирование адвокатом себя как кредитора доверителя противоречит самой сути адвокатской деятельности, подрывает лично-доверительный характер отношений адвоката и клиента.

После расторжения заявителем соглашения в одностороннем порядке у адвоката отсутствовали основания для осуществления защиты физических лиц – бывших работников заявителя.

26.09.2016 г. Президентом АПМО вынесено распоряжение о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Д. по жалобе доверителя ООО «ФГ», в котором указывается, что 24.05.2016 г. с адвокатом был заключён договор об оказании юридической помощи № ЮЗ 32/16 и выплачено вознаграждение в размере 63 500 000 рублей. 08.08.2016 г. адвокату направлено уведомление о расторжении договора до его исполнения в полном объёме. Несмотря

на это адвокат отказался определять сумму неотработанного вознаграждения и возвращать денежные средства, полученные по договору.

Адвокатом представлены письменные объяснения, в которых он указывает, что свои обязательства по договору исполнял надлежащим образом, а перечисленная им по договору сумма рассматривается как вознаграждение и как компенсация упущенной выгоды, поэтому возврату не подлежит.

В вышеуказанном распоряжении говорится, что ссылка на компенсацию упущенной выгоды не может рассматриваться как разумное и добросовестное обоснование невозможности возврата части гонорара.

Как следует из жалобы, договор между адвокатом и заявителем содержит п. 3.5, согласно которого «в любом случае после подписания настоящего договора и немотивированного отказа Доверителя от его дальнейшего исполнения вознаграждение Адвоката должно составлять 25 (двадцать пять) процентов от цены договора». Ссылаясь на разъяснение АП г. Москвы от 29.09.2014 г., заявитель отмечает, что недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части гонорара. Также в договоре с адвокатом отсутствуют сведения о размере и характере ответственности адвоката, т.е. не определено одно из существенных условий соглашения об оказании юридической помощи. В дополнениях к жалобе заявитель указывает, что на уведомление об одностороннем расторжении договора и отмене доверенности адвокат ответил отказом, сообщив, что считает договор действующим.

К жалобе заявителем приложены копии следующих документов:

- отказа адвоката от 20.07.2016 г. подписать соглашение о расторжении договора № ЮЗ 32/16 от 24.05.2016 г., в котором адвокат обосновывает свой отказ отсутствием оснований, предусмотренных п. 1 ст. 450 ГК РФ;
- уведомления № 3180 от 09.08.2016 г. о расторжении договора № ЮЗ 32/16 от 24.05.2016 г., содержащее также повторное требование о возврате адвокатом выданной нотариально удостоверенной доверенности;
- платёжного поручения от 09.06.2016 г. на 63 500 000 рублей;
- доверенности заявителя № 921 от 30.07.2016 г. на К.

В заседании комиссии представители ООО «ФГ» поддержали доводы жалобы, на вопросы членов комиссии пояснили, что с момента заключения соглашения с адвокатом до его расторжения адвокат посылал претензии, которые с заявителем не согласовывал. При заключении соглашения адвокат устно обещал в течении месяца окончить все дела, отказался расторгнуть соглашение, продолжал заниматься уголовными делами сотрудников заявителя уже после расторжения соглашения.

Представителями заявителя дополнительно представлена жалоба адвоката в прокуратуру от 10.08.2016 г. и рекомендации по исполнению исковых заявлений от 22.08.2016 г.

В письменных объяснениях (возражениях на претензию), направленных в АПМО адвокат сообщает, что договор № ЮЗ 32/16 от 24.05.2016 г. носит смешанный характер и содержит элементы договора об оказании правовых услуг и договора поручения. Доверитель был обязан перечислить адвокату 2 000 000 долларов США, но перечислил только 1 000 000 долларов США, что эквивалентно 63 500 000 рублей. П. 3.5 договора не противоречит закону, поскольку Пленум ВАС РФ от 14.03.2016 г. № 16 указал, что стороны вправе установить зависимость реализации права на односторонний отказ необходимостью выплатить другой стороне определённую денежную сумму. В период действия договора адвокат был вынужден расторгнуть соглашения об оказании юридической помощи, что является для него, в соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. № 7, упущенной выгодой.

К возражениям приложены материалы адвокатского производства по исполнению адвокатом обязательств, предусмотренных договором с заявителем. В материалах, в частности представлен договор № ЮЗ 32/16 от 24.05.2016 г., общая сумма вознаграждения адвоката определена в размере 5 000 000 долларов США.

В заседании комиссии адвокат поддержал доводы, изложенные в письменных объяснениях, на вопросы членов комиссии пояснил, что должен был исполнять поручение доверителя в течении

около двух лет. Жалобу в прокуратуру подавал не в рамках данного соглашения, а по другим соглашениям, заключённым с физическими лицами. Действительно посылал заявителю образцы исковых заявлений.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, заслушав стороны и изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

В силу п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

24.05.2016 г. с адвокатом был заключён договор об оказании юридической помощи № ЮЗ 32/16. Стороны определили, что размер вознаграждения с адвокатом должен составлять 5 000 000 долларов США. Адвокату выплачен аванс в размере 63 500 000 рублей. 08.08.2016 г. адвокату направлено уведомление о расторжении договора.

В силу п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

Заявитель дважды обращался к адвокату с уведомлением о расторжении соглашения об оказании юридической помощи. В материалах дисциплинарного производства представлен отказ адвоката от 20.07.2016 г. подписать соглашение о расторжении договора № ЮЗ 32/16 от 24.05.2016 г., в котором адвокат обосновывает свой отказ отсутствием оснований, предусмотренных п. 1 ст. 450 ГК РФ и уведомление № 3180 от 09.08.2016 г. о расторжении договора № ЮЗ 32/16 от 24.05.2016 г., содержащее также повторное требование о возврате адвокатом выданной нотариально удостоверенной доверенности.

Комиссия считает, что отказ адвоката от расторжения заявителем соглашения в одностороннем порядке не может рассматриваться как разумное, честное, добросовестное исполнение поручения доверителя, поскольку последний вправе расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи, без объяснения каких либо причин.

Кроме того, согласно п. 1 и 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия.

Адвокат поставил право доверителя расторгнуть соглашение в одностороннем порядке в зависимость от выплаты ему определённой денежной суммы (п. 3.5. соглашения). При этом адвокат обосновывает данный пункт соглашения ссылкой на Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2016 г. № 16. Действительно, ВАС РФ в указанном постановлении определил, что положения ст. 782 ГК РФ, дающие каждой из сторон договора возмездного оказания услуг право на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора... не исключают возможность установления соглашением сторон порядка осуществления права на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг (в частности, односторонний отказ стороны от договора, исполнение которого связано с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности, может быть обусловлен необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне).

Не рассматривая сами по себе различия в одностороннем отказе от исполнения и одностороннем расторжении договора, Комиссия напоминает адвокату, что согласно п. 2 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», адвокатская деятельность не является предпринимательской. Поэтому комиссия считает включение адвокатом в договор п. 3.5 как действия, направленные к подрыву доверия.

В качестве аналогичных действий комиссия рассматривает и отказ адвоката на возврат неотработанного вознаграждения в связи с тем, что таковое является, по его мнению, упущенной выгодой. В Постановлении Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. № 7, на которое ссылается адвокат, указывается, в частности, что при определении размера упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления.

Позиционирование адвокатом себя как кредитора доверителя противоречит самой сути адвокатской деятельности, подрывает лично-доверительный характер отношений адвоката и клиента. Поэтому, как обоснованно отмечает заявитель, недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части гонорара.

После расторжения заявителем соглашения в одностороннем порядке у адвоката отсутствовали основания для осуществления защиты физических лиц – бывших работников заявителя.

Объяснения адвокат о том, что защита осуществлялась в рамках самостоятельных соглашений, комиссия считает безосновательными, поскольку в п. 2.4.6. соглашения № ЮЗ 32/16 от 24.05.2016 г. прямо указано на обязанность адвоката «осуществлять (обеспечить) защиту бывших (действующих) должностных лиц Доверителя, прямо или косвенно связанным с производством по уголовным делам №№ 15900591 и 15903061». Продолжение исполнения адвокатом поручения без законных оснований подтверждается представленной заявителем жалобой адвоката в прокуратуру, составленной в интересах физических лиц.

Кроме того, в силу п.п. 5 п. 4 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», одним из существенных условий соглашения об оказании юридической помощи является указание на размер и характер ответственности адвоката, принявшего поручение. Соглашение № ЮЗ 32/16 от 24.05.2016 г. данного условия не содержит.

Комиссия неоднократно отмечала, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только исполнение предмета соглашения об оказании юридической помощи, но и надлежащее оформление договорных отношений с доверителем. На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия приходит к выводу о наличии в действиях адвоката Д. нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7, п.п. 5 п. 4 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем ООО «ФГ».

8. Участие адвоката в следственном действии, назначенном на определённый день, не освобождает следователя от необходимости надлежащего извещения адвоката о другом следственном действии, назначенном на тот же день, что обосновывается необходимостью подготовки защиты для наиболее полного реализации прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

14.09.2016 г. Президентом АПМО вынесено распоряжение о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката З., в котором указывается, что адвокат сорвал проведение заранее согласованного со всеми участниками следственного действия, проявил неуважение к лицу, проводившему очную ставку.

Как следует из прилагаемых документов адвокат осуществляет защиту на предварительном следствии П. 10.05.2016 г. во время проведения очной ставки адвокат заявил, что показания свидетеля сфальсифицированы и стал угрожать следователю своими связями в УСБ с использованием ненормативной лексики. После этого он начал вносить неоговоренные изменения в протокол очной ставки, вычёркивая тем показания, которые по его мнению сфальсифицированы и продолжал при этом использовать ненормативную лексику и нецензурно выражаться. Другому свидетелю, прибывшему на очную ставку, адвокат заявил, что его рабочий день закончен, у него имеются проблемы со здоровьем и покинул помещение ФКУ СИЗО-2 УФСИН России.

Адвокатом представлены письменные объяснения, в которых он сообщает, что в ходе расследования уголовного дела П. Он неоднократно подавал заявление о незаконности привлечения последнего к уголовной ответственности, а также заявление о совершении следователем преступления и жалобы на действия следователя в прокуратуру. Следователь сфальсифицировал показания свидетеля, поскольку у него маленький кабинет и адвокат с подзащитным могли слышать, что говорил свидетель. Адвокат высказывал претензии по поводу этих показаний, но делал это в корректной форме, никакой грубой или ненормативной лексики не использовал. П. отказался подписывать протокол очной ставки, адвокат вносил в него замечания

и только после этого подписал. В 17.00 работа ФКУ СИЗО-2 УФСИН России была закончена и адвокат вышел из кабинета вместе со следователем, о том, что будет проводиться ещё одна очная ставка следователь ничего не сообщил. После этого адвокат заявил ещё одно ходатайство – об исправлении времени окончания очной ставки с 14.25, как было поставлено следователем на 17.25. Впоследствии, со слов своего подзащитного адвокат узнал, что через 1,5 часа после того, как они со следователем ушли, П. был вновь вызван к следователю и там находились второй свидетель – В. и его адвокат. Адвокат сообщает, что все очные ставки проводились по ходатайству защиты, очная ставка с В. была проведена через месяц, следователь отводил все вопросы защиты, прекратил очную ставку, и не дал подписать протокол ни адвокату, ни его подзащитному.

К объяснениям адвоката приложены копии протоколов процессуальных действий, подтверждающие доводы, изложенные в объяснениях.

Адвокат З. в заседание комиссии не явился, о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства извещён надлежащим образом, в связи с чем комиссией, на основании п. 3 ст. 23 КПА, принято решение о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Рассмотрев доводы представления и письменных объяснений адвоката, изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ осуществляется устно, на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства. Данная норма предполагает, что стороны дисциплинарного производства вправе и обязаны подтвердить доводы, изложенные в обращении и объяснениях, надлежащими, достоверными и непротиворечивыми доказательствами.

В силу п.п. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, жалоба в отношении адвоката должна содержать доказательства, подтверждающие обстоятельства, на которых заявитель основывает свои требования.

В своей деятельности комиссия последовательно исходит из презумпции добросовестности адвоката, закреплённой в п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики, обязанность опровержения которой возлагается на лицо, выдвигающее в отношении адвоката дисциплинарные обвинения.

В распоряжении комиссии отсутствуют доказательства выражения адвокатом угроз в адрес следователя, а также использования ненормативной лексики при общении с ним. В равной степени комиссии не представлено доказательств надлежащего извещения адвоката о проведении очной ставки.

Вместе с тем, доводы, изложенные в письменных объяснениях адвоката, подтверждаются представленными им копиями процессуальных документов – время проведения очной ставки действительно было исправлено следователем с 14.25 на 17.25 ч.ч.

Участие адвоката в следственном действии в определённый день, не освобождает следователя от необходимости надлежащего извещения адвоката о другом следственном действии, назначенном на тот же день, что обосновывается необходимостью подготовки защиты для наиболее полного реализации прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

При таких обстоятельствах, комиссия считает, что презумпция добросовестности адвоката заявителем не опровергнута и доводы представления не находят своего подтверждения.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия признает, что в полученных в ходе разбирательства фактических данных отсутствуют сведения, свидетельствующие о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

9. Адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения (п. 2 ст. 10 КПА).

30.09.2016 г. Президентом АПМО вынесено распоряжение о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката К. по жалобе доверителя Б. в котором указывается, что заявитель в интересах своего сына заключила с адвокатом несколько соглашений, по которым

адвокат обязался добиться переквалификации обвинения, предъявленного сыну, а в случае, если этого не получится – вернуть денежные средства. Обещанный адвокатом результат достигнут не был, однако денежные средства адвокат не вернул.

К жалобе заявителем приложены копии следующих документов:

- соглашения от 15.06.2016 г. на защиту по уголовному делу Б-на, размер вознаграждения определен в сумме 2 000 000 рублей;
- соглашения от 04.05.2016 г. на защиту по уголовному делу Б-на. в УФСКН СЗАО размер вознаграждения 150 000 рублей;
- соглашения от 30.07.2016 г. на защиту по уголовному делу Б-на. в Х-ом суде г. Москвы размер вознаграждения 150 000 рублей, в котором имеется пункт о том, что при достижении положительного результата «назначения наказания с применением ст. 64 УК РФ» доверитель вносит дополнительную плату.

Адвокатом не представлено письменных объяснений, а равно иных документов в отношении доводов жалобы.

В заседании комиссии заявитель поддержала доводы, изложенные в жалобе.

Рассмотрев доводы жалобы, заслушав заявителя и изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

В силу п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

Адвокат, на основании соглашения с заявителем, осуществлял защиту Б-на. Всего по трём вышеуказанным соглашениям адвокату выплачено 2 600 000 рублей. Однако, как указала заявитель в устных объяснениях, адвокат защиту Б-на. в суде не осуществлял, Б.А.А. от него отказался, уголовное дело до настоящего времени находится в производстве суда. Денежные средства адвокат не вернул.

Согласно п.п. 2 п. 2 ст. 23 КПЭА, письменные доказательства и документы, которые участники намерены представить в комиссию, должны быть переданы ее секретарю не позднее двух суток до начала заседания. Квалификационная комиссия может принять от участников дисциплинарного производства к рассмотрению дополнительные материалы непосредственно в процессе разбирательства, если они не могли быть представлены заранее.

Письменных объяснений в отношении доводов жалобы адвокатом не представлено.

Статьей 1 КПЭА устанавливаются обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности.

В качестве традиционного подхода комиссия считает возможным указать точку зрения Московского совета присяжных поверенных о том, что «присяжный поверенный, не представив объяснения против жалобы, тем самым признаёт правильность взводимого на него обвинения в бездействии...» (См. Двадцатипятилетие Московских присяжных поверенных. Сборник материалов. М. 1891 г. С. 143).

Поэтому в своих заключениях комиссия отмечала, что непредставление адвокатом объяснений в отношении доводов жалобы как нельзя расценивать иначе как непредставление доказательств, опровергающих доводы жалобы заявителя, что, в свою очередь, подтверждает неисполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем.

Таким образом, адвокат не преступал к исполнению поручения в виде защиты Б-на. в суде, но до настоящего времени не вернул неотработанное вознаграждение.

Комиссия не может рассматривать такое поведение адвоката в виде разумного, честного и добросовестного.

Кроме того, в соглашении от 15.06.2016 г. адвокатом указано: «Поверенный обязуется добиться переквалификации действий Б-на. с покушения на сбыт наркотических средств на хранение наркотических средств без цели сбыта т.е. на ст. 228 ч. 2 УК РФ, в случае невыполнения условий, указанных в дополнительном соглашении, возврат гонорара в полном объеме», что прямо

противоречит п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой, адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия приходит к выводу о наличии в действиях адвоката К. нарушений п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что адвокат включил в соглашение от 15.06.2016 г. обещание достижения положительного результата исполнения поручения, а после досрочного расторжения соглашения не вернул доверителю неотработанное вознаграждение.

10. Адвокатский запрос предназначен для получения сведений, требуемых для оказания квалифицированной юридической помощи, и не может быть использован в качестве сбора доказательств в том случае, если адвокат не является профессиональным представителем по делу, а выступает в качестве его непосредственного участника, заинтересованного в разрешении поданного им заявления.

В распоряжении о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Л., основанном на представлении Вице-президента АПМО указывается, что адвокат, действуя вне рамок исполнения профессиональных обязанностей, направил от своего имени адвокатские запросы, ответы на которые были в дальнейшем приобщены по его ходатайству к материалам доследственной проверки по заявлению о возбуждении уголовного дела, поданного Л. и С. К представлению Вице-президента АПМО прилагается сопроводительное письмо У МЮ РФ по МО с представлением следователя от 18.07.2016 г., в котором указывается, что адвокат Л., действуя из личной заинтересованности и используя статус адвоката, а также с целью привлечения К. и С-ва. к уголовной ответственности, направил в ООО «С» запрос для получения интересующей его информации, который впоследствии по его заявлению был приобщён к материалам дела.

Также к представлению следователя приложены копии:

- заявления С. о привлечении к уголовной ответственности ЖСК «М» и ООО «С» и аналогичного заявления Р.;
- ходатайства от 03.07.2016 г. и аналогичного повторного ходатайства Л., С., Р. от 04.07.2016 г. следователю о направлении запросов для сбора доказательств;
- ответа ООО «С» адвокату Л. от 24.01.2013 г., в котором на его запрос сообщается, что денежные средства от К. в счёт исполнения договорных обязательств С-вым. не поступали;

Адвокатом представлены копии следующих документов:

- искового заявления в Королёвский городской суд о возврате денежных средств, в качестве истцов выступают адвокат и С-в., ответчик К.;
- заявления адвоката Л. о проведении проверки в отношении следователя от 23.10.2016 г.;
- пояснений С-ва., в которых он указывает, что адвокат направил запрос на основании заключённого с ним соглашения об оказании юридической помощи;
- соглашения об оказании юридической помощи от 27.12.2012 г., заключённого между С-вым. и адвокатом Л. на представление интересов С-ва в К-м городском суде по гражданскому делу;

В заседании комиссии адвокат Л. пояснил, что направлял запрос в 2013 г. не в собственных интересах, а в интересах С-ва., с которым у него было заключено соглашение об оказании юридической помощи. Адвокат полагает, что представление следователя явилось результатом того, что он и С-в. добиваются привлечения следователя к ответственности.

Рассмотрев доводы представления, заслушав адвоката и изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

Адвокатский запрос предназначен для получения сведений, требуемых для оказания квалифицированной юридической помощи, и не может быть использован в качестве сбора доказательств в том случае, если адвокат не является профессиональным представителем по делу, а выступает в качестве его непосредственного участника, заинтересованного в разрешении поданного им заявления. В этом случае на него не распространяются гарантии и

профессиональные права, предоставленные законом адвокату, включая право на направление адвокатского запроса.

Поэтому адвокатский запрос не может быть использован в качестве сбора доказательств в том случае, если адвокат не является профессиональным представителем по делу, а выступает в качестве его непосредственного участника.

Вместе с тем, как установлено в ходе рассмотрения дисциплинарного производства, 27.12.2012 г. между адвокатом с С-ым. было заключено соглашение об оказании юридической помощи в виде представительства по гражданскому делу по иску к К. в К-м городском суде. Запрос в ООО «С» о предоставлении сведений о поступлении денежных средств от К. в счёт исполнения обязательств С-ым., был направлен адвокатом в рамках исполнения обязательств, принятых по соглашению об оказании юридической помощи, в интересах С-ва.

Данные обстоятельства подтверждаются объяснениями С-ва. и представленной копией соглашения об оказании юридической помощи.

В период действия соглашения об оказании юридической помощи С-ву. адвокат самостоятельным участником процесса не являлся, запрос был направлен не в собственных интересах адвоката.

Последующее использование ответа на запрос в качестве доказательства по уголовному делу, в котором С-в. и адвокат Л. являлись самостоятельными участниками, не образует дисциплинарного проступка, поскольку иное устанавливало бы не предусмотренное законом ограничение на представление доказательств С-вым.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия признает, что в полученных в ходе разбирательства фактических данных отсутствуют сведения, свидетельствующие о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

11. Одним из главных условий адвокатской деятельности является честное и добросовестное отношение к доверителю, которое исключает возможность сообщения ему заведомо неверных сведений о ходе исполнения поручения. Поступая иначе, адвокат вводит в заблуждение доверителя и способствует развитию негативного отношения к адвокатуре в целом.

В распоряжении Президента АПМО о возбуждении дисциплинарного производства от 20.08.2016 г. в отношении адвоката Т. указывается, что 28.06.2013 г. заявитель заключила с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи на представление прав и интересов К. в Г-ом районном суде г. Москвы, а также в суде апелляционной инстанции вне зависимости от результатов рассмотрена дела, по существу. Заявительница указывает на ненадлежащее исполнение адвокатом профессиональных обязанностей в ходе представления интересов К. Как следует из доводов жалобы, ненадлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей выразилось в том, что адвокат не выдал экземпляр соглашения и квитанцию в получении 40 000 рублей вознаграждения, не подал апелляционную жалобу на решение Г-го суда г. Москвы от 18.09.2013 г., о чём заявительнице стало известно в январе 2016 г. при ознакомлении с материалами дела. По данной ситуации адвокат, помимо апелляционной жалобы, предложил обратиться в Г-кий суд г. Москвы с «иском по новым основаниям». 11.11.2014 г. стороны заключили ещё одно соглашение. Адвокат уверял, что иск подан и дело рассматривается в суде, но под различными предлогами отказывался представлять копии документов. 12.01.2016 г. заявитель обратилась в суд, где ей была предоставлена информация о том, что исковые заявления от имени К. в базе данных суда отсутствуют.

Заявитель Ж. считает, что нарушения адвоката заключаются в том, что по соглашению от 28.06.2013 г. он не подал апелляционную жалобу; по соглашению от 11.11.2014 г. вводил Ж. в заблуждение, сообщил недостоверные сведения.

В жалобе ставится вопрос о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности.

К жалобе заявителем приложены копии следующих документов:

- соглашение об оказании юридической помощи от 11.11.2014 г. К. в виде представления интересов в суде по гражданскому делу о прекращении права пользования квартирой;

- претензии адвокату о предоставлении отчёта о проделанной работе по гражданским делам К. за 2013 г., 2014 г. и 2015 г. (рукописная надпись «22.01.2016 г.+13.07.2016 г.»);
- скриншот переписки заявителя и адвоката за 2016 г., в которой заявитель просит предоставить апелляционную жалобу и новое исковое заявление, обсудить мировое соглашение и т.п.;
- фотокопии материалов гражданского дела 2-4351\13;
- заявление о выдаче материалов гражданского дела для ознакомления от 12.01.2016 г.;
- ответ Г-го суда г. Москвы об отсутствии в базе данных суда гражданского дела № 2-8612/2014. 13.09.2016 г. комиссией принято заключение о наличии в действиях (бездействии) адвоката Т. нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем Ж., выразившееся в том, что адвокат не преступил к исполнению поручения, предусмотренного соглашением от 11.11.2014, вводил Ж. в заблуждение, сообщая ей о ходе рассмотрения в суде несуществующего гражданского дела.

Решением Совета АПМО от 19.10.2016 г. дисциплинарное производство направлено в комиссию на новое разбирательство, поскольку адвокатом представлены объяснения и дополнительные документы, которые не были предметом рассмотрения комиссией.

В письменных объяснениях адвокат пояснил, что действительно между ним и К. было заключено соглашение об оказании юридической помощи от 28.06.2013 г. К., но Ж., пользуясь тем, что адвокат несколько раз представлял интересы её дочери в суде, оплатила только половину вознаграждения – 20 000 рублей. Адвокат подал исковое заявление и представлял интересы К. в суде. Однако, к моменту вынесения судом решения, заявитель так и не заплатила оставшуюся часть вознаграждения. Задолженность по вознаграждению была оплачена только в ноябре 2014 г. В заседании комиссии заявитель поддержала доводы жалобы, на вопросы членов комиссии пояснила, что адвокат не преступил бы к исполнению поручения, если не получил бы вознаграждения. Второе соглашение (от 11.11.2014 г.) было заключено уже после смерти К. - супруга заявителя, она лично производила по нему оплату. Вознаграждение по первому соглашению вносилось К.

К письменным объяснениям адвоката приложена копия соглашения об оказании юридической помощи К. от 28.06.2013 г. на представление интересов в суде по гражданскому делу о прекращении права пользования жилым помещением (размер вознаграждения 40 000 рублей, копия соглашения об оказании юридической помощи К. от 11.11.2014 г. на представление интересов в суде по гражданскому делу о прекращении права пользования жилым помещением. Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, заслушав заявителя и изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

28.06.2013 г. между адвокатом и К. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, по которому адвокатом было принято поручение на представление интересов К. по гражданскому делу в суде первой и апелляционной инстанции. По указанному гражданскому делу 18.09.2013 г. судом первой инстанции было вынесено решение.

В силу п.п. 1 п. 1 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, поводом для возбуждения дисциплинарного производства является жалоба доверителя.

Согласно ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката, под доверителем понимается лицо, заключившее с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи, либо лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом.

Соглашение от 18.09.2013 г. заключал К. в своих интересах. Поэтому только он вправе ставить перед дисциплинарными органами вопрос о ненадлежащем исполнении своих обязанностей. Заявитель стороной по соглашению не являлась, юридическая помощь ей не оказывалась. Таким образом, жалоба в части ненадлежащего исполнения адвокатом соглашения от 18.09.2013 г. не подлежит рассмотрению по существу.

11.11.2014 г. между адвокатом и заявителем было заключено новое соглашение на представление интересов К., которое вступало в силу с момента оплаты заявителем вознаграждения. Как сообщает адвокат, Ж. по данному соглашению никаких оплат не производила. При этом адвокат указывает, что в ноябре 2014 г. заявитель оплатила ему оставшуюся часть вознаграждения,

предусмотренную соглашением от 18.09.2013 г. Однако, Ж. считает, что вносила данные денежные средства в качестве оплаты по соглашению 11.11.2014 г.

Рассматривая данную ситуацию, комиссия считает несостоятельным довод адвоката о том, что денежные средства, поступившие в ноябре 2014 г. являются доплатой вознаграждения по соглашению от 18.09.2013 г. Денежные средства по этому соглашению вносились К., что подтверждается в объяснениях адвоката. Соглашение от 11.11.2014 г. Ж. заключала от своего имени и самостоятельно оплачивала часть вознаграждения. При таких обстоятельствах Ж. имела все основания полагать, что оплачивает вознаграждение по соглашению от 11.11.2014 г. и, соответственно, рассчитывать на добросовестное исполнение адвокатом своих обязательств. В силу п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

Адвокат не отрицает, что он не приступил к исполнению поручения, предусмотренного соглашением от 11.11.2014 г., что, при изложенных выше обстоятельствах и их оценке комиссией, не может рассматриваться в качестве надлежащего исполнения п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, согласно п.п. 1 и 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия. Комиссия считает, что данная обязанность адвокатом не выполнена. С момента заключения соглашения от 11.11.2014 г. до настоящего времени адвокат не направил Ж. ни одного письменного сообщения, в котором бы указывалось на неисполнение этого соглашения и разъяснялись причины неисполнения. Напротив, представленные заявителем скриншоты переписки подтверждают, что заявитель обращалась к адвокату с требованием о предоставлении отчёта и процессуальных документов. Поэтому, с учётом того что заявитель не имеет юридического образования, комиссия считает убедительным довод жалобы о том, что в течение длительного времени адвокат сообщал ей ложные сведения о ходе рассмотрения гражданского дела в суде и называл номер несуществующего гражданского дела. Также заявитель представила ответ Г-го суда г. Москвы из которого следует, что в базе данных суда отсутствует гражданское дело № 2-8612/2014.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия приходит к выводу о наличии в действиях адвоката Т. нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем Ж.

12. Реализация адвокатом прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, в частности заявление каких-либо ходатайств, зависит от избранной тактики защиты, согласованной с доверителем. В любом случае, ставя в вину адвокату отсутствие ходатайств, заявитель должен указать какие именно ходатайства должны быть заявлены и каким образом они влияли на защиту его прав.

31.10.2016 г. Президентом АПМО вынесено распоряжение о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Т. по жалобе доверителя С. в котором указывается, что адвокат, осуществляя защиту осуждённого С. по его жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ, не согласовал с ним позицию по делу, не исполнил надлежащим образом своих профессиональных обязанностей, не подал апелляционную жалобу.

В частности, в жалобе сообщается, что адвокат участвовал в судебном заседании 30.03.2016 г. «по инициативе суда». Заявитель указывает, что он хотел лично защищать свои интересы и появление адвоката негативно отразилось на результатах рассмотрения жалобы, поскольку

адвокат не предпринял никаких попыток объяснить позицию по жалобе, не просил перенести судебное заседание для согласования позиций, не подал апелляционную жалобу.

К жалобе не приложено каких-либо документов.

В письменных объяснениях адвокат не согласился с доводами жалобы, пояснив, что, будучи дежурным адвокатом, он принял поручение М-го городского суда на защиту заявителя на 06.02.2016 г. Он ознакомился с жалобой. Судебные заседания несколько раз откладывались по причине непредставления М-кой городской прокуратурой материалов проверки. В судебном заседании заявитель ходатайствовал об ознакомлении с материалами проверки, адвокат его поддержал, больше никаких вопросов не решалось. Адвокат считает несостоятельным довод о том, что он не согласовывал позицию с заявителем, поскольку последний заявил об отказе от защитника, но суд отказ отклонил, и он согласился с участием адвоката.

К письменным объяснениям адвоката приложены копии следующих документов:

- ордера адвоката от 05.02.2016 г.;
- заявления адвоката об ознакомлении с материалами дела от 05.02.2016 г.;
- протоколов судебных заседаний от 08.02.2016 г., 21.03.2016 г., 30.03.2016 г.;
- протокола судебного заседания рассмотрения дела в апелляционном порядке от 06.09.2016 г. и апелляционного постановления М-го областного суда от 06.09.2016 г.

В заседании комиссии адвокат поддержал доводы, изложенные в письменных объяснениях, на вопросы членов комиссии, на вопросы членов комиссии пояснил, что заявитель жаловался на то, что ему не предоставляют материалы прокурорской проверки и просил предоставить ему копии этих материалов. В настоящее время заявитель отбывает наказание в виде лишения свободы, доводы его жалобы рассматривались апелляционной инстанцией. В ходе рассмотрения жалобы в суде первой инстанции заявитель никаких ходатайств не заявлял.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, заслушав адвоката и изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

Адвокат Т. осуществлял защиту заявителя в порядке ст. 51 УПК РФ при рассмотрении в суде его жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ. Защита осуществлялась в трёх судебных заседаниях. Согласно представленных протоколов судебных заседаний, 08.02.2016 г. судебное заседание отложено в связи с неявкой гособвинителя, 21.03.2016 г. судебное заседания отложено т.к. заявитель не был доставлен, 30.03.2016 г. жалоба была рассмотрена судом по существу. При рассмотрении дисциплинарного производства комиссии исходит из презумпции добросовестности адвоката (п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), обязанность опровержения которой возлагается на заявителя.

В судебном заседании 30.03.2016 г. заявитель участвовал посредством видеоконференцсвязи, ходатайств от него не поступало, отказ от защитника он не заявлял, адвокат поддержал мнение заявителя, высказанное в судебном заседании.

Комиссия считает, реализация адвокатом прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, в частности заявление каких-либо ходатайств, зависит от избранной тактики защиты, согласованной с доверителем. В любом случае, ставя в вину адвокату отсутствие ходатайств, заявитель должен указать какие именно ходатайства должны быть заявлены и каким образом они влияли на защиту его прав.

Комиссия также указывает, что законодательство об адвокатской деятельности не устанавливает обязательного обжалования адвокатом судебного акта, принятого по результатам рассмотрения жалобы, поданной осуждённым в порядке ст. 125 УПК РФ.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия признает, что в полученных в ходе разбирательства фактических данных отсутствуют сведения, свидетельствующие о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

13. Пересмотр размера гонорара за осуществление защиты в уголовном судопроизводстве, фиксированного в соглашении об оказании юридической помощи, возможен только с добровольного согласия доверителя. Понуждение последнего в случае отказа увеличить изначально определенную сумму вознаграждения к расторжению соглашения составляет

серьезный дисциплинарный проступок, который порочит честь и достоинство профессии адвоката, умаляет авторитет адвокатуры.

Адвокат не вправе превышать необходимые для защиты от дисциплинарных обвинений пределы разглашения сведений, составляющих адвокатскую тайну, и тем более использовать эти сведения против доверителя.

31.10.2016 г. Президентом АПМО вынесено распоряжение о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Т. по жалобе доверителя Е. в котором указывается, что заявитель заключила с адвокатом соглашение на защиту Ж. Адвокату выплачено вознаграждение, предусмотренное соглашением. Адвокат, как полагает заявитель, ненадлежащим образом выполняла свои обязательства, потребовала выплаты дополнительного вознаграждения в размере 500 000 рублей под угрозой прекращения осуществления защиты. После заявления о расторжении соглашения, адвокат не определила сумму отработанного вознаграждения и не предприняла мер по его возврату.

В жалобе заявитель сообщает, что адвокат получила 400 000 рублей без предоставления какой-либо финансовой документации. Ненадлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей выразилось в том, что адвокат неподготовленная приходила в заседание суда, не знала, в каком изоляторе находится подзащитный, замолчала ставший ей известный факт того, что после задержания Ж. допрашивался с адвокатом по назначению – Л., которая подписывала фактически готовый протокол допроса. С заявлением о расторжении соглашения и возврате 400 000 рублей вознаграждения заявитель обратилась к адвокату 02.10.2016 г.

В жалобе ставится вопрос о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности и обязанности к возврату денежных средств.

К жалобе заявителем приложены копии следующих документов:

- соглашений об оказании юридической помощи от 10.02.2016 г., от 10.05.2016 г., от 15.09.2016 г.;
- рукописного письма адвоката отцу Ж. от 26.09.2016 г.;

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

10.02.2016 г. между заявителем и адвокатом было заключено соглашение на защиту Ж. на предварительном следствии, сумма вознаграждения 100 000 рублей.

10.05.2016 г. между заявителем и адвокатом на защиту Ж. в суде первой инстанции (до вынесения приговора), сумма вознаграждения 300 000 рублей.

Также комиссии представлено соглашение об оказании юридической помощи на защиту Ж. в суде апелляционной инстанции. Данное соглашение заявителем не подписано, в графе «сведения о проделанной работе» имеется запись «необходимо доплатить 300 000 рублей учитывая многократность судебных заседаний до 18.07.2016 г. и 18.08.2016 г. изучение ... делом и клиентом».

В силу п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ осуществляется устно, на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

Доводы обвинения, выдвинутого заявителем в отношении адвоката, равно как и доводы объяснений адвоката, должны подтверждаться надлежащими, непротиворечивыми доказательствами.

Адвокат по электронной почте представила объяснения, в которых сообщила, что доплата потребовалась в связи с увеличением объема работы, весь оплаченный гонорар ею отработан в полном объеме, после расторжения соглашения представила доверителю расчёт отработанного вознаграждения. Однако, документов, подтверждающих указанные обстоятельства, адвокат не представила.

02.10.2016 г. заявитель обратилась к адвокату с требованием о возврате денежных средств за не оказанные услуги. В такой ситуации адвокат была обязана, действуя разумно и добросовестно, после отказа доверителя от его услуг, принять меры по согласованию суммы неотработанного вознаграждения, подлежащей возврату доверителю, либо объяснить доверителю по какой причине она не имеет правовой возможности разрешить названные вопросы.

В распоряжение комиссии представлено рукописное письмо адвоката отцу подзащитного от 26.09.2016 г. о том, что до 01.10.2016 г. необходимо оплатить 200 000 рублей за защиту Ж. в суде апелляционной инстанции 15, 19.09.2016 г., а «при последующей защите доплатить 100 000 рублей за судодень, посещение в сизо 90 000 рублей независимо от времени «и по мере роста цен в стране будет увеличиваться гонорар».

Пересмотр размера гонорара за осуществление защиты в уголовном судопроизводстве, фиксированного в соглашении об оказании юридической помощи, возможен только с добровольного согласия доверителя. Понуждение последнего в случае отказа увеличить изначально определенную сумму вознаграждения к расторжению соглашения составляет серьезный дисциплинарный проступок, который порочит честь и достоинство профессии адвоката, умаляет авторитет адвокатуры.

Адвокат должен заранее озаботиться определением размера гонорара и порядка его выплаты доверителем, и с предельной ясностью сформулировать эти существенные условия в соглашении. Адвокат Т. этого условия не выполнила. Комиссия считает недопустимой ситуацию, когда адвокат произвольно требует увеличение размера вознаграждения, при этом обосновывая свои требования «ростом цен в стране».

Отдельно комиссия обращает внимание на следующую ситуацию. В своих письменных объяснениях адвокат сообщает, что она обратится в УФМС по Т-ой области «по лишению всех троих свидетельств о предоставлении им временного убежища и выдворения их из России, поскольку они за 7 месяцев общения с ними скрывали от меня своё действительное место работы и адрес проживания в Л-х» и далее «в случае дальнейшего шантажа путем подачи необоснованной жалобы в АПМО и других требований по возврату отработанного гонорара я буду вынуждена обратиться в органы по поводу отношения семьи Ж. к «наркобизнесу»...». Комиссия считает такие высказывания адвоката в отношении доверителя недопустимыми. Адвокат не только превышает необходимые для защиты от дисциплинарных обвинений пределы разглашения сведений, составляющих адвокатскую тайну, но и полагает возможным использовать эти сведения против доверителя. Поэтому комиссия просит Вице-президента АПМО вынести представление о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Т. по данным обстоятельствам.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия приходит к выводу о наличии в действиях адвоката Т. нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем Е.

14. Умышленное уклонение адвоката от исполнения принятой на себя обязанности по возврату части вознаграждения не может быть оценено как порядочное, честное и добросовестное поведение адвоката.

06.07.2016 г. в АПМО поступила жалоба Г. в отношении адвоката Б. в которой заявитель сообщает, что 20.04.2016 г. между ними было заключено соглашение на оказание юридической помощи Г. Адвокату выплачено вознаграждение в размере 100 000 рублей. Поскольку адвокат не оказывал юридической помощи, Г. потребовала расторгнуть соглашение и вернуть ей 75% вознаграждения (75 000 рублей). Адвокат согласился и 10.06.2016 г. стороны подписали соглашение о расторжении соглашения от 20.04.2016 г. Адвокат обещал 14.06.2016 г. вернуть вознаграждения, но перестал отвечать на телефонные звонки и до настоящего времени вознаграждение не вернул.

В жалобе ставится вопрос о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности.

К жалобе заявительницей приложены копии следующих документов:

- соглашения об оказании юридической помощи на предварительном следствии Г.;

- квитанции к приходному кассовому ордеру на сумму 100 000 рублей;
- заявления о расторжении соглашения от 04.05.2016 г. с подписью адвоката в его получении;
- соглашения о расторжении соглашения от 09.06.2016 г.

Адвокатом представлены письменные объяснения, в которых он сообщает, что надлежащим образом оказывал юридическую помощь Г. Заявительница выразила желание расторгнуть соглашение и он не возражал, по поводу возникшей претензии адвокат ничего пояснить не может. Согласен вернуть часть вознаграждения, но для этого ему нужны паспортные данные заявителя, а он их предоставлять отказывается.

К письменным объяснениям адвоката приложена копия постановления Т-го районного суда г. Москвы от 21.04.2016 г.

В заседании комиссии адвокат Б. на вопросы членов комиссии пояснил, что при решении вопроса о возврате гонорара он предложил заявителю два варианта: перечислить на расчётный счёт или получить наличные денежные средства. Г. должна была предоставить ИНН и паспортные данные, которых не было при заключении соглашения, поскольку оно было заключено в пользу третьего лица. Необходимость предоставления паспортных данных и ИНН обусловлено требованиями бухгалтерского учёта. Заявитель отказалась предоставлять эти данные, уклонялась от встреч. Вместе с тем, адвокат не рассматривал вопрос о возможности перечисления денежных средств на депозит к нотариусу.

Рассмотрев доводы жалобы и письменных объяснений, изучив представленные документы и заслушав адвоката, комиссия приходит к следующим выводам.

20.04.2016 г. между сторонами рассматриваемого дисциплинарного производства было заключено соглашение на защиту Г. Заявитель расторгла соглашение досрочно, 09.06.2016 г. между сторонами было подписано соответствующее соглашение, по которому адвокат обязался вернуть 75% полученного вознаграждения.

В силу п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и активно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, а также честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности.

Заявитель расторгла соглашение досрочно, 09.06.2016 г. между сторонами было подписано соответствующее соглашение, по которому адвокат обязался вернуть 75% полученного вознаграждения.

Оценивая действия адвоката по исполнению обязательства перед доверителем по возврату вознаграждения, комиссия учитывает, что ранее дисциплинарное производство откладывалось для предоставления времени для возврата неотработанной части вознаграждения и примирения сторон. Комиссия критически относится к объяснениям адвоката о том, что заявитель уклонялась от предоставления адвокату паспортных данных и ИНН. Адвокат, как профессиональный независимый советник по правовым вопросам, не мог не знать, что для подтверждения надлежащего исполнения обязательства, согласно п.п. 4 п. 1 ст. 327 ГК РФ, должник вправе внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса, если обязательство не может быть исполнено должником вследствие уклонения кредитора от принятия исполнения. Таких действий адвокат не предпринял. Довод адвоката о том, что он запрашивал у заявителя данные расчётного счёта не находит своего подтверждения и опровергается заявителем. Кроме того, за время возникновения и развития конфликта, ставшего предметом дисциплинарного разбирательства, адвокат не обратился в Совет АПМО с заявлением о предоставлении разъяснений о его действиях в сложившейся ситуации.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия приходит к выводу о наличии в действиях адвоката Б. нарушения п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и ненадлежащем исполнении своих обязанностей перед доверителем Г.

15. Адвокат вправе защищаться от выдвинутого против него обвинения в совершении дисциплинарного проступка средствами, предусмотренными законом и непредосудительными с

точки зрения нравственности, к числу которых обман дисциплинарных органов адвокатской палаты относиться не может.

В распоряжении Президента АПМО в отношении адвоката Т., основанном на представлении Вице-президента АПМО, указывается, что в АПМО поступила повторная жалоба М., в которой сообщается, что ранее Адвокатской палатой Московской области дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. по жалобе доверителя М. было прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката при защите интересов доверителя М. по гражданскому делу.

В Совет АПМО адвокатом был представлен договор об оказании юридической помощи доверителю, но по утверждению М. подпись в договоре не является подписью доверителя. В связи с этим, М. обратилась с исковым заявлением к Т., по ходатайству М. назначена судебная технико-криминалистическая экспертиза, по результатам которой предоставлено заключение эксперта. Согласно выводов, изложенных в заключении эксперта от 25.12.2015 г. следует, что подпись, выполненная от имени М. в соглашении об оказании юридической помощи выполнена не М., а другим лицом.

Таким образом, при рассмотрении дисциплинарного производства в Совете АПМО адвокатом было представлено фальсифицированное соглашение с доверителем с целью избежать ответственности за дисциплинарное нарушение.

В представлении ставится вопрос о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности.

К представлению приложены следующие документы:

- жалоба М., в которой она сообщает об обстоятельствах, указанных в представлении Вице-президента АПМО;
- копия решения Б-го городского суда от 24.02.2016 г. по гражданскому делу по иску М. к Т.
- копия апелляционного определения М-го областного суда от 11.07.2016 г. по гражданскому делу.

13.09.2016 г. комиссией принято заключение о наличии в действиях (бездействии) адвоката Т. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности, а именно п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся том, что адвокат при рассмотрении дисциплинарного производства в Совете АПМО представил сфальсифицированное соглашение с М. с целью избежать ответственность за дисциплинарное нарушение.

Решением Совета АПМО от 19.10.2016 г. дисциплинарное производство направлено в комиссию на новое рассмотрение. В своём решении Совет АПМО указал, что адвокатом представлено заключение специалиста № 261/16 от 18.10.2016 г. выданное АНО «НЦ» с сопроводительным письмом, которое не было предметом рассмотрения комиссии.

В указанном заключении сделан вывод о том, что подпись под спорным соглашением об оказании юридической помощи принадлежит М.

В заседании комиссии адвокат, на вопросы членов комиссии пояснил, что обвинения в подделке подписи М. опровергаются заключением специалистов АНО «НЦ». Адвокат считает, что, независимо от наличия решения суда, в адвокатском сообществе могут быть приняты любые доказательства в опровержение обвинений.

Рассмотрев доводы представления, заслушав адвоката и изучив представленные документы, комиссия приходит к следующим выводам.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ осуществляется устно, на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства. Данная норма предполагает, что стороны дисциплинарного производства вправе и обязаны подтвердить доводы, изложенные в обращении и объяснениях, надлежащими, достоверными и непротиворечивыми доказательствами.

В силу п.п. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, жалоба в отношении адвоката должна содержать доказательства, подтверждающие обстоятельства, на которых заявитель основывает свои требования.

В представленном решении Б-го городского суда от 24.02.2016 г. по гражданскому делу по иску М. к Т., указывается, что доводы М. о том, что она не подписывала соглашения с адвокатом нашли своё подтверждение посредством произведённой судебной экспертизы, установившей, что подпись под соглашением об оказании юридической помощи выполнена не М., а другим лицом. В апелляционном определении М-го областного суда от 11.07.2016 г. по гражданскому делу содержатся аналогичные сведения – подпись под соглашением выполнена не М., а другим лицом. Обязательность судебных постановлений, вступивших в законную силу, для всех без исключения органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, физических и юридических лиц последовательно закреплена ч. 1 ст. 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ч. 2 ст. 13 ГПК РФ. Вступившее в законную силу решение суда подразумевает следующие правовые последствия: обязательность, неопровержимость, исключительность, преюдициальность, исполнимость судебного решения. Таким образом, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым по спору между сторонами дисциплинарного производства, могут быть пересмотрены только в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Как указывается в Постановлении КС РФ от 21.12.2011 г. № 30-П, признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности. Таким образом, наличие заключения специалиста никак не опровергает обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом. Комиссия повторно отмечает, что дисциплинарные органы не обладают полномочиями по переоценке обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом. Поэтому комиссия считает установленными и нашедшими своё подтверждение обстоятельства, изложенные в представлении Вице-президента АПМО в отношении адвоката Т. Адвокат при рассмотрении дисциплинарного производства в Совете АПМО представил сфальсифицированное соглашение с М. с целью избежать ответственности за дисциплинарное нарушение. Согласно п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты должны стать предметом рассмотрения соответствующих квалификационной комиссии и Совета, заседания которых проводятся в соответствии с процедурами дисциплинарного производства. Статьей 1 КПЭА устанавливаются обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности. В качестве традиционного подхода комиссия считает возможным указать точку зрения Московского совета присяжных поверенных о том, что «Адвокату, прежде всего необходимо вести себя как порядочному человеку, никогда не утверждать чего-нибудь противного истине, не унижать себя лживыми изворотами, не позволять себе малейшего обмана» (См. Двадцатипятилетие Московских присяжных поверенных. Сборник материалов. М. 1891 г. С. 131). В силу п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии. Согласно п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия. Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката. Комиссия считает, что, по дисциплинарному обвинению, представив в Совет АПМО соглашение, подпись под которым не принадлежала его доверителю, адвокат совершил поступок, который невозможно считать честным и достойным профессии.

На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия приходит к выводу о наличии в действиях адвоката нарушения п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся том, что адвокат Т. при рассмотрении дисциплинарного производства в Совете АПМО представил сфальсифицированное соглашение с М. с целью избежать ответственность за дисциплинарное нарушение.

Ответственный секретарь
Квалификационной комиссии АПМО
Никифоров А.В.

Совет палаты

23.12.2016

На заседании Совета АПМО 21.12.2016 г. был заслушан доклад руководителя постоянно действующей рабочей группы по вопросам задолженностей перед адвокатами по назначению Шамшурина Б.А.

20.12.2016 г. состоялась встреча Шамшурина Б.А. с заместителем начальника Управления судебного департамента при Верховном суде РФ по Московской области Беляевым А.В.

Последний сообщил, что за неделю с 12 по 16 декабря погашена задолженность в размере 6 миллионов рублей. Обработано значительное количество Постановлений об оплате.

Шамшурин Б.А. отметил, что представители Управления постоянно сообщают о значительном количестве «обработанных» постановлений и что все задолженности погашены. Однако в районах адвокаты денег не видят или к ним приходят только незначительные средства. На проверку оказывается, что «обработанными» судебный департамент считает также постановления, которые возвращены судам для исправления ошибок. Это, по их мнению, позволяет заявлять, что задолженность погашена. И получается, что таких возвращенных постановлений чуть не две трети.

Кроме того, по данным, имеющимся в распоряжении палаты, существует значительная задолженность перед адвокатами органов следствия. В трех судебных районах Московской области собраниями адвокатов принято решение о том, что до погашения задолженности перед ними, адвокаты вправе не являться по вызову следствия или суда. Подобные решения в ближайшее время могут быть приняты в ряде других судебных районов.

Шамшурин Б.А. отметил, что предпринимаемые нами действия не приводят к долгосрочному решению проблемы. Будучи частично погашены, долги начинают нарастать вновь. Совет АПМО вынужден был создать постоянно действующую рабочую группу. Члены рабочей группы и руководство палаты находятся в постоянном контакте с Управлением судебного департамента по Московской области, на который возложены обязанности по оплате труда адвокатов в суде. Мы заявляем о проблеме на всех возможных уровнях, однако, до сих пор она не решена и четкая система, исключающая дискриминацию адвокатов, до сих пор не выработана, что вынуждает нас обсуждать такие крайние меры, как возможность неявки по назначению следствия или суда. Совет принял решение о внесении данного вопроса в повестку дня предстоящей конференции адвокатов Московской области, которая состоится 03 февраля 2017 г.

22.12.2016 г. в АПМО поступило письмо исполнительного вице-президента ФПА А.В. Сучкова, в котором до сведения палат доводятся меры, предпринимаемые Федеральной палатой по погашению задолженности.

С учетом изложенного, и в связи с необходимостью составления полной картины ситуации, подлежащей обсуждению, Совет Палаты предлагает вновь до 20 января 2016 г. направить в АПМО данные об имеющейся задолженности перед адвокатами по делам, в которых они участвуют по назначению органов дознания, следствия или суда.

При представлении запрашиваемых данных, просим учесть требования, изложенные в письме ФПА от 22.12.2016 г.

22.12.2016 г. №1723-12/16

О задолженности оплаты защиты по назначению

Уважаемые коллеги!

21.12.2016 состоялось совещание руководства ФПА РФ с представителями Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ и Министерства финансов РФ по вопросу погашения задолженности по оплате труда адвокатов, участвующих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознания и предварительного следствия органов внутренних дел.

На момент встречи задолженность МВД РФ по оплате защиты по назначению составила более 700 млн. рублей. Представитель Департамента по финансово-экономической политике и обеспечения социальных гарантий МВД России объяснил наличие задолженности общим сокращением финансирования органов внутренних дел по всем статьям расходов, в том числе и по оплате труда адвокатов, участвующих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

По результатам длительной дискуссии достигнута договорённость о выделении 294 млн. рублей для частичного погашения задолженности 2016 года по оплате защиты по назначению. Указанная сумма до конца текущего года будет распределена целевым порядком по управлениям МВД в субъектах РФ пропорционально размеру задолженности. В первые рабочие дни 2017 года оставшееся часть задолженности 2016 года будет погашена из лимитов 2017 года.

Прошу довести указанную информацию до адвокатов, участвующих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда, предложив им до конца года подать все заявления на оплату защиты по назначению, осуществлённую в 2016 году, а к 16.01.2017 представить в адвокатскую палату полную информацию о размере задолженности за 2016 год по всем органам и видам судопроизводства.

Президентам адвокатских палат субъектов РФ предлагаю в срок до 25.01.2017 представить в Федеральную палату адвокатов РФ сводную информацию о задолженности за 2016 год всех субъектов, осуществляющих оплату труда адвоката по назначению, с разбивкой по органам и видам судопроизводства. Сумму задолженности за 2016 год по каждому органу следует подтвердить актом сверки или справкой органа-должника о размере задолженности (справка является предпочтительной в случаях, когда учтённая органом-должником сумма задолженности больше, чем сумма задолженности, сообщённая адвокатами).

Указанный выше достигнутый в ходе переговоров способ погашения задолженности МВД РФ за 2016 год из лимитов 2017 года не решает проблему полностью, а лишь переносит её на следующий год с созданием предпосылок для ещё большего роста задолженности и более раннего срока её возникновения в календарном году. В связи с этим настоятельно прошу президентов адвокатских палат субъектов РФ уделить максимальное внимание на своевременность, полноту и достоверность сбора информации о размере задолженности за 2016 год по оплате труда адвокатов, участвующих в качестве защитников по назначению, без которой Федеральная палата адвокатов РФ не сможет вести переговоры и принимать иные меры по решению данной проблемы.

С уважением,

Исполнительный вице-президент

А.В. Сучков

Заключение Экспертного совета АПМО по обращению В.Н. Мусияки относительно практики продления срока содержания под стражей свыше 18 месяцев на стадии предварительного следствия

Экспертный совет АПМО
13.10.2016

В Экспертном совете палаты

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обращению управляющего партнера Адвокатского бюро «Система защиты» В.Н. Мусияки относительно практики продления срока содержания под стражей свыше 18 месяцев на стадии предварительного следствия

I. ФАБУЛА ДЕЛА

В своем обращении адвокат В.Н. Мусияка просит высказать мнение о постановлении Московского городского суда от 06 июля 2016 года, которым был продлен срок содержания под стражей его подзащитного Х., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 210, ч.4 ст. 159, ч. 174.1 УК РФ до 23 месяцев 22 суток.

Для анализа предоставлена следующая фабула дела:

- 25 сентября 2013 года возбуждено уголовное дело, по которому в качестве одного из обвиняемых привлечен Х. Впоследствии с данным делом были соединены еще несколько уголовных дел, возбужденных в более поздние сроки;
- 19 сентября 2014 года в рамках расследования уголовного дела Х. был задержан, и одним из районных судов ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;
- 22 октября 2015 года Х. предъявлено обвинение в окончательной редакции в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 210, ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 174.1 УК РФ;
- 27 октября 2015 года сторона защиты Х. уведомлена об окончании производства по уголовному делу;
- с 06 ноября 2015 года начато ознакомление Х. и его защитников с материалами уголовного дела;

Срок содержания под стражей Х. неоднократно продлевался и последний раз (имеется в виду до заседания 06 июля 2016 года) продлен Московским городским судом 04 апреля 2016 года до 08 июля 2016 года, а всего до 21 месяца 22 суток. В связи с тем, что предельный 18-ти месячный срок содержания Х. истек, то основанием для продления срока содержания под стражей послужило только ознакомление Х. и других обвиняемых с материалами уголовного дела и направления дела прокурору для принятия процессуального решения в порядке ст. 221 УПК РФ.

- 10 июня 2016 года Х. и его защитники были уведомлены о возобновлении следственных действий. Данное решение было принято 27 мая 2016 года;
- 10 июня 2016 года Х. было предъявлено обвинение в новой редакции в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 210, ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, в этот же день он был допрошен в качестве обвиняемого.

- 15 июня 2016 года Х. и его защитники были уведомлены об окончании следственных действий, после чего материалы окончательного расследования уголовного дела вновь предъявлены им для ознакомления;
- 28 июня 2016 года районным судом Х. и его защитникам установлен срок для ознакомления с материалами уголовного дела до 06 июля 2016 года;
- 06 июля 2016 года Постановлением Московского городского суда было удовлетворено ходатайство следователя о продлении Х. срока содержания под стражей до 08 сентября 2016 года, а всего до 23 месяцев 22 суток.

II. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В представленных материалах отсутствуют подробные сведения:

- обо всех ходатайствах следователя о продлении срока содержания под стражей (с их мотивировкой),
- обо всех решениях суда (в том числе апелляционной и кассационной инстанций, если такие имелись), вынесенных по результатам рассмотрения данных ходатайств (также с описанием из мотивировочной и резолютивной частей).

В подобной ситуации невозможно ответить абстрактно: законно или незаконно продлевался срок содержания под стражей по данному делу (т.е. дать оценку постановлению Московского городского суда от 06 июля 2016 года), так как для компетентной экспертной оценки необходимо досконально знать материалы дела.

В этой связи экспертом проведен уголовно-процессуальный анализ практики продления срока содержания под стражей для ситуаций, подобных тем, что описаны в обращении, однако не делается категоричный вывод по конкретному делу заявителя.

2.1. Допустимые варианты продления срока содержания под стражей свыше 18 месяцев. Как показывает практика, предельный 18-месячный срок содержания лиц под стражей на досудебной стадии не является непоколебимой аксиомой.

Авторы одного из наиболее авторитетных учебных курсов по уголовному процессу под редакцией заведующего кафедрой уголовного процесса МГУ им. М.В. Ломоносова Л.В. Головки выделяют три случая, когда может иметь место законное содержание под стражей свыше 18 месяцев в ходе досудебного производства:

- 1) материалы окончательного расследования уголовного дела были предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного 18-месячного срока содержания под стражей, однако обвиняемый не успел ознакомиться с материалами уголовного дела в силу их значительного объема в отведенные минимальные 30 суток (ч. 7 ст. 109 УПК РФ) и желает продолжить ознакомление с ними;
- 2) лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства и было экстрадировано в Россию, причем предельный срок его содержания под стражей, установленный законодательством РФ, истек с учетом времени содержания под стражей за границей (в таком случае при необходимости продолжения расследования на территории России срок содержания

под стражей может быть продлен, но не более чем на шесть месяцев, т.к. 24 месяца) (ч.11 ст.109 УПК РФ);

3) органы расследования успевают направить материалы уголовного дела в суд до истечения предельного срока содержания под стражей, однако у суда в такой ситуации остается меньше отведенных ему законом 30 суток (ч. 3 ст. 227 УПК РФ) на изучение уголовного дела и принятие необходимых процессуальных решений, в том числе о мере пресечения (тогда срок содержания под стражей может быть продлен до 30 суток судом по ходатайству прокурора, возбужденному еще в период предварительного расследования, хотя само содержание под стражей будет осуществляться в данном случае уже в период физического нахождения уголовного дела в суде)[1];

С учетом позиций Конституционного Суда РФ, на наш взгляд, можно выделить еще четвертый случай:

4) содержание лиц под стражей свыше 18 месяцев допускается также при возвращении в порядке ст. 237 УПК РФ уголовного дела прокурору, что предполагает возможность проведения новых следственных действий в рамках предварительного расследования. При чем, как указал Конституционный Суд РФ: «подобное продление допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения, для обеспечения исполнения приговора и на устанавливаемый судом разумный срок, определяемый с учетом существа обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, и времени, необходимого для их устранения и обеспечения права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела»[2]. Таким образом, позиция Конституционного Суда РФ заключается в том, что установленный законом 18-месячный предельный срок содержания под стражей не распространяется на случаи, когда дело возвращается прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в суде[3].

Из представленной фабулы дела косвенно следует, что при самом первом продлении срока содержания под стражей свыше 18 месяцев материалы оконченого расследованием уголовного дела были предъявлены обвиняемому и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного 18-месячного срока содержания под стражей. Таким образом, рассматриваемая ситуация предварительно подпадает под первый описанный случай, в связи с чем, дальнейший анализ будет касаться именно правил применения ч.7 и ч.8 ст.109 УПК РФ.

2.2 Законные цели продления срока содержания под стражей свыше 18 месяцев. По смыслу ч.7 ст.109 УПК РФ, предельный срок содержания обвиняемого под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам может быть продлен, но лишь в целях завершения ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. Данный вывод неоднократно был подтвержден решениями Конституционного Суда Российской Федерации (определения от 6 июня 2003 года № 184-О, от 15 июля 2003 года № 308-О, от 23 апреля 2013 года № 548-О, от 22 апреля 2014 года № 877-О и др.) с констатацией того факта, что права заявителей не нарушаются законоположениями, не устанавливающими конкретную продолжительность срока содержания обвиняемого под стражей в период его ознакомления с материалами уголовного дела, допуская возможность определения этого срока в зависимости от обстоятельств этого дела.

2.3 Условия законного продления срока содержания под стражей свыше 18 месяцев. Согласно положениям ч.7 ст.109 УПК РФ продление срока содержания под стражей свыше 18 месяцев для ознакомления с материалами дела допускается лишь в случаях, когда следователь предъявил материалы дела для ознакомления за 30 суток до истечения предельного 18-месячного срока. Несоблюдение срока, указанного в ч. 7 ст. 109 УПК РФ, с неизбежностью влечет отказ в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей. Данная норма носит императивный характер.

Однако в теории уголовного процесса также обосновывается позиция, согласно которой суды могут продлевать срок содержания обвиняемых под стражей и в тех случаях, когда следователем был нарушен установленный анализируемой нормой 30-суточный срок, так как пропуск следователем 30-дневного срока можно расценивать как малозначительную следственную ошибку. Так, судья Верховного Суда РФ (в отставке) Колоколов Н.А. пишет, что данная позиция имеет под собой определенные основания: «если дело действительно объемно, то изначально ясно, что 30 суток, отведенных на ознакомление с его материалами, недостаточно. Например, по некоторым делам о терроризме суды, выполняя требования ч. 7 ст. 109 УПК, сразу продлевают сроки содержания обвиняемых под стражей на шесть и более месяцев. Очевидно, что в этом случае пропуск следователем 30-суточного срока на несколько дней принципиального значения не имеет. Задача суда - правильно установить причину пропуска срока, последствия этого факта, не допустить волокиты, нарушения прав человека и гражданина»[4].

К сожалению, подобное нарушение требований УПК РФ иногда действительно встречается на практике, а его оправдание малозначительностью нарушения безусловно недопустимо.

Однако, как мы указали ранее, из представленной фабулы дела косвенно следует, что при самом первом продлении срока содержания под стражей свыше 18 месяцев материалы оконченого расследованием уголовного дела были предъявлены обвиняемому и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного 18-месячного срока содержания под стражей. Таким образом, в рассматриваемом нами деле подобное нарушение не презюмируется.

Приведенная фабула дела рождает два процессуальных вопроса:

- 1) Может ли суд вновь удовлетворить повторное ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей, когда истекает период, на который суд первоначально продлил срок содержания под стражей свыше 18 месяцев, для ознакомления обвиняемого и его защитника с теми же самыми материалами уголовного дела (если обвиняемый и защитник не успели ознакомиться с материалами дела в полном объеме)?
- 2) Если после законного первоначального продления срока содержания под стражей свыше 18 месяцев в период ознакомления с материалами уголовного дела следователь возобновляет следственные действия и до окончания срока содержания под стражей (уже после 18-месячного срока) вновь предъявляет обвиняемому и его защитнику материалы уголовного дела для ознакомления, - может ли он (следователь) обратиться опять в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей для обеспечения возможности ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела?

2.4 Законность повторного продления срока содержания под стражей после истечения предельного 18-месячного срока с целью ознакомления с теми же самыми материалами уголовного дела.

Статья 109 УПК РФ непосредственно не говорит о возможности повторного продления срока содержания под стражей после истечения предельного 18-месячного срока с целью ознакомления с теми же самыми материалами уголовного дела. Однако суды общей юрисдикции России расширительно толкуют положения ст.109 УПК РФ, утверждая, что в отсутствие прямого запрета неоднократного продления срока по данному основанию компетентный суд вправе продлевать срок столько раз, сколько представляется целесообразным при обстоятельствах дела[5]. Так, власти Российской Федерации при разбирательстве в Европейском Суде по правам человека (далее ЕСПЧ) по делу "Царенко (Tsarenko) против Российской Федерации" (жалоба № 5235/09) утверждали, что содержание заявителя под стражей по истечении максимального 18-месячного срока содержания под стражей основывалось на нормах частей 4 и 7 статьи 109 УПК РФ, которые позволяли суду продлевать срок содержания под стражей по истечении 18 месяцев, если это необходимо для ознакомления обвиняемого с материалами дела.

Однако ЕСПЧ рассматривает подобную российскую практику как нарушение статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая гарантирует правовую защиту лица от произвольного вмешательства со стороны государства в его право на свободу. В обосновании своей позиции ЕСПЧ ссылается на разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года[6] и от 25 декабря 1998 года[7], из которых следует, что при отсутствии прямого указания в законе на возможность неоднократного продления предельного срока содержания под стражей на том основании, что обвиняемый не закончил ознакомление с материалами уголовного дела, удовлетворение неоднократных ходатайств о продлении срока содержания обвиняемого под стражей не допускается законом и противоречит гарантии против произвольного содержания под стражей. Так, в пп. 61-63 постановления ЕСПЧ от 03.03.2011 "Дело "Царенко (Tsarenko) против Российской Федерации" (жалоба N 5235/09) сказано:

«61. Прецедентная практика Конституционного Суда Российской Федерации требует, чтобы неоднократное продление срока содержания под стражей по одному и тому же основанию было прямо упомянуто и предусмотрено уголовно-процессуальным законом. Принятие нового УПК РФ в 2003 году не затронуло действительность или применимость прецедентной практики Конституционного Суда, и текст новой статьи 109 УПК РФ соответствовал прежней статье 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Определение Конституционного Суда от 19 марта 2009 г., на которое ссылались власти Российской Федерации, не изменило позицию Конституционного Суда, поскольку касалось не вопроса о допустимости неоднократного продления, а совершенно другой проблемы, а именно, того факта, что новая статья 109 - в отличие от старой статьи 97 - не предусматривала шестимесячное ограничение максимального периода содержания под стражей в целях ознакомления с материалами уголовного дела (см. Определение, процитированное в § 44 настоящего Постановления). Суды общей юрисдикции в настоящем деле и власти Российской Федерации в своих объяснениях Европейскому Суду приняли расширительное толкование статьи 109 УПК РФ, утверждая, что в отсутствие прямого запрета неоднократного продления срока по данному основанию компетентный суд вправе продлевать срок столько раз, сколько представляется целесообразным при обстоятельствах дела. Однако ни национальные суды, ни власти Российской Федерации не продемонстрировали, что новая статья 109 УПК РФ содержит прямое основание для неоднократного продления срока содержания под стражей для этой цели. Отсюда следует, что их расширительное толкование данного положения не соответствует ограничительному толкованию, принятому Конституционным Судом России, и несовместимо с принципом защиты от произвола, воплощенным в статье 5 Конвенции. <...>

63. С учетом вышеизложенного Европейский Суд приходит к выводу, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в части содержания заявителя под стражей с 4 октября 2008 г. по 28 мая 2009 г.»

Аналогичную позицию ЕСПЧ высказывает и в других своих постановлениях по жалобам заявителей на действия российских властей, связанных с продлением срока содержания под стражей свыше 18 месяцев.

Необходимо отметить, что первоначальное продление срока содержания под стражей свыше 18 месяцев ЕСПЧ признает законным, но лишь при выполнении условия о соблюдении 30-дневного срока для предъявления материалов дела обвиняемому, содержащемуся под стражей.

2.5 Законность продления срока содержания под стражей после истечения предельного 18-месячного срока с целью ознакомления с новыми материалами уголовного дела (оконченного после возобновления следственных действия на стадии ознакомления с материалами уголовного дела).

Формально уголовно-процессуальный закон не содержит запрета на проведение следственных действий по истечении 18-месячного срока, главное, чтобы они укладывались в сроки, установленные для проведения предварительного следствия и дознания.

Однако в подобной ситуации в деле появляются новые материалы после истечения 18-месячного срока содержания под стражей, и перед следователем вновь встает вопрос о необходимости выполнения требования ст.217 УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон России не регламентирует непосредственно такое развитие событий. В отсутствии правовой определенности можно найти аргументы:

- как оправдывающие решение суда о повторном продлении срока содержания под стражей с целью ознакомления обвиняемого и его защитника с новыми материалами уголовного дела, полученными после возобновления следствия,
- так и опровергающими законность такого решения суда.

Аргументы «за» заключаются в следующем. Конституционный Суд РФ в постановлении от 16.07.2015 № 23-П указал в п. 3.2: «Учитывая, что однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться схожим образом, при решении вопроса о продлении пребывания обвиняемого под стражей на необходимое для обеспечения права на ознакомление с материалами уголовного дела время, выходящее за рамки предельного срока содержания под стражей, правила, предусмотренные частью седьмой и пунктом 1 части восьмой статьи 109 УПК Российской Федерации и рассчитанные на случай предъявления материалов уголовного дела обвиняемому и его защитнику для ознакомления, подлежат применению с учетом специфики особого порядка движения возвращенного прокурору уголовного дела, а именно с исключением требования части пятой данной статьи о предъявлении обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику материалов окончательного расследованием уголовного дела не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, установленного ее частями второй и третьей»[8].

Получается, что при возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст.237 УПК РФ материалы дела (после устранения препятствий его рассмотрения судом) изменяются и их соответственно необходимо вновь предъявлять для ознакомления. Как видно из приведенной выше позиции Конституционного Суда РФ, очередное продление срока содержания под стражей для ознакомления с новыми материалами дела даже после истечения 18-месячного срока в подобной ситуации признается законным.

Таким образом, суд может заявить, что однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться схожим образом, при решении вопроса о продлении пребывания обвиняемого под стражей на необходимое для обеспечения права на ознакомление с материалами уголовного дела время, выходящее за рамки предельного срока содержания под стражей, и продлить срок содержания под стражей после истечения предельного 18-месячного срока с целью ознакомления с новыми материалами уголовного дела (появившимися после возобновления следственных действия), опираясь на ту же самую логику, что и при продлении срока содержания под стражей при возвращении уголовного дела прокурору.

Аргументы «против» сводятся к тому, что высказанная выше позиция Конституционного Суда в постановлении от 16.07.2015 № 23-П негласно ставится под сомнение самими судьями Конституционного Суда РФ (по данному решению было заявлено два особых мнения). Так, в особом мнении судьи С.М. Казанцева сказано:

«важно подчеркнуть, что обвиняемый "расплачивается" в таких случаях не за свое негативное поведение, а исключительно за "недостатки предварительного следствия", т.е. за ошибки своего процессуального противника - стороны обвинения. Такое толкование оспариваемых положений при отсутствии прямого указания в законе на возможность неоднократного продления предельного срока содержания под стражей не вытекает из смысла статей 1 (часть 1), 2, 17, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 22 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Неопределенность оспариваемых законоположений способствует применению содержания под стражей в качестве меры пресечения без должной процедуры и ясно определенных и контролируемых сроков, что придает ограничению права на свободу и личную неприкосновенность произвольный характер.

Такое неоднозначное понимание положений статьи 109 УПК Российской Федерации, рассматриваемых в совокупности с положениями его статьи 237, в правоприменительной практике свидетельствует о наличии неопределенности, дающей возможность неограниченного усмотрения правоприменительных органов при определении процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, означает нарушение вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа юридического равенства, которое, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, может быть обеспечено лишь при условии единообразного применения правовых норм, возможного только при наличии их формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности и согласованности в системе действующего правового регулирования».

Представленную аргументацию судьи Конституционного Суда РФ С.М. Казанцева спокойно можно применить и к случаям ознакомления обвиняемого и его защитника с новыми материалами уголовного дела, появившимися после возобновления следствия по делу.

Кроме того, подобное продление срока содержания под стражей с высокой долей вероятности будет признано ЕСПЧ незаконным. Так, в постановлении ЕСПЧ от 29.05.2012 по делу "Суслов (Suslov) против Российской Федерации" (жалоба N 2366/07) сказано: «п. 64 Закон, таким образом, не предусматривает возможности повторного, в том числе после дополнительного расследования, обращения прокурора в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей того же обвиняемого в период его ознакомления с полученными в результате дополнительного расследования материалами дела. При отсутствии прямого указания в законе на возможность неоднократного продления предельного срока ареста по указанным мотивам иное истолкование оспариваемых положений нарушало бы запрет произвольного ареста в том его

понимании, которое вытекает из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г." [9].

Особо стоит оговорить ситуацию, когда следователь заявляет ходатайство о продлении срока содержания под стражей после истечения 18 месяцев не только для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, но и для производства иных следственных действий (в том числе предъявления нового обвинения). Удовлетворить такое ходатайство следователя на законных основаниях невозможно даже при расширительном толковании ст. 109 УПК РФ. В подтверждение этого можно привести выдержку из определения Верховного Суда РФ от 25 мая 2011 г. №45-О11-49:

«24 февраля 2011 г. срок содержания под стражей С. продлен судом до 19 месяцев 12 суток, т.е. до 15 апреля 2011 г., для окончания ознакомления обвиняемого и его защитника со всеми материалами уголовного дела.

Следователь обратился в суд с ходатайством о продлении С. срока содержания под стражей на 2 месяца, а всего до 21 месяца 12 суток.

Судьей Свердловского областного суда 8 апреля 2011 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей С., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ, п. п. "а", "в", "г" ч. 4 ст. 290 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 285 УК РФ, на 2 месяца, а всего до 21 месяца 12 суток.

<...>

Как следует из ходатайства следователя, необходимость продления С. срока содержания под стражей вызвана тем, что закончить предварительное следствие не представляется возможным, так как по делу необходимо одновременно предъявить новое обвинение С. и другим обвиняемым в совершении двух особо тяжких преступлений, выполнить требования ст. ст. 215 - 218 УПК РФ, составить обвинительное заключение и направить его с уголовным делом в порядке ст. 220 УПК РФ прокурору.

Выполнение указанных следователем следственных действий, связанных с предъявлением обвиняемому нового обвинения, в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона возможно только после возобновления производства предварительного следствия в случае его окончания. Производство же такого следственного действия невозможно в ходе ознакомления обвиняемого со всеми материалами уголовного дела, поскольку они являются самостоятельными стадиями производства по делу.

В ходатайстве прямо указано, что после производства следственных действий, связанных с предъявлением С. нового обвинения, ему (следователю) необходимо выполнить требования ст. ст. 215 - 218 УПК РФ.

Суд обоснованно пришел к выводу, что производство с обвиняемым следственных действий, связанных с предъявлением ему нового обвинения, не подпадает под действие п. 1 ч. 8 ст. 109 УПК РФ, позволяющего суду продлить срок содержания под стражей свыше установленного законом предельного срока» [10].

С учетом вышеизложенного законность продления срока содержания под стражей после истечения первоначально продленного срока содержания под стражей (свыше 18 месяцев) с

целью ознакомления обвиняемого и его защитника с новыми материалами уголовного дела (оконченного после возобновления следственных действий, которое (возобновление) произошло на стадии ознакомления с материалами уголовного дела за пределами 18-месячного срока содержания под стражей) вызывает серьезные сомнения.

III. ВЫВОДЫ:

1. Первоначальное продление срока содержания под стражей свыше 18 месяцев для ознакомления с материалами уголовного дела в ситуациях, когда материалы оконченого расследования уголовного дела были предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного 18-месячного срока содержания под стражей, является законной практикой, соответствующей требованиям УПК РФ, позициям Конституционного Суда РФ, и не воспринимается Европейским судом по правам человека как нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Причем какой-либо максимальный период, на который суд может первоначально продлить срок содержания под стражей, не установлен законодательно и в каждом конкретном случае определяется судом с учетом ходатайства следователя и всех особенностей конкретного уголовного дела. Данное положение УПК РФ также согласуется с позицией Конституционного Суда РФ и не вызывает возражений и у Европейского суда по правам человека.

2. Повторное продление срока содержания под стражей после истечения предельных 18 месяцев для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами (неизменившимися материалами) уголовного дела основывается на расширительном толковании ст.109 УПК и поддерживается российскими властями.

Однако такой подход к толкованию ст.109 УПК РФ в условиях правовой неопределенности признается ЕСПЧ нарушением статьи 5 Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

3. Возобновление следствия на стадии ознакомления с материалами уголовного дела после истечение 18-месячного срока содержания под стражей не противоречит положениям УПК РФ. Если в такой ситуации следователь заявляет ходатайство о повторном продлении срока содержания под стражей исключительно с целью ознакомления обвиняемого и его защитника с новыми материалами уголовного дела, то тогда в условиях правовой неопределенности суд может удовлетворить подобное ходатайство, сославшись на схожесть с ситуацией при продлении срока содержания под стражей при возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст.237 УПК РФ.

Однако подобный подход противоречит позиции ЕСПЧ, так как нарушает пункт 1 статьи 5 Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Кроме того, здесь можно усмотреть нарушение ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах (каждый имеет право на рассмотрение любого предъявленного ему обвинения без неоправданной задержки), из которой вытекает недопустимость избыточного или не ограниченного по продолжительности срока содержания под стражей.

Если же следователь в рассматриваемой ситуации мотивирует свое ходатайство необходимостью проведения иных следственных действий, то оно однозначно не может быть удовлетворено судом на законных основаниях.

4. Учитывая наличие правовой неопределенности при анализе рассматриваемых вопросов, представляется разумным предложить законодателю конкретизировать процедуру и сроки ознакомления обвиняемого и его защитника с вновь появившимися в уголовном деле материалами после окончания возобновленного следствия (которое имело место быть на стадии ознакомления с материалами уголовного дела), с тем, чтобы наиболее эффективно гарантировать конституционные права всех участников уголовного процесса на справедливое судебное разбирательство в разумный срок и защиту иных охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей.

Также считаем целесообразным поставить вопрос о возвращении в УПК правила, ограничивающего срок содержания лица под стражей при ознакомлении его с материалами уголовного дела после истечения предельного срока содержания под стражей, как это имело место в ст.97 УПК РСФСР.

Заключение подготовил кандидат юридических наук,

член Экспертного совета Адвокатской палаты Московской области

Руслан Олегович Долотов.

Адвокат,

эксперт АПМО

Долотов Р.О.

Председатель Экспертного совета АПМО

Рыбаков С.А.

[1] Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»)

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 N 23-П "По делу о проверке конституционности положений частей третьей - седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина

[3] Судья КС РФ Данилов Ю.М. не согласился с подобной позицией КС РФ, высказанной в постановлении КС РФ от 16.07.2015 N 23-П, и в своем особом мнении указал, что применительно к делам об особо тяжких преступлениях в системе действующего правового регулирования предельный срок содержания под стражей ни при каких обстоятельствах не должен превышать 18

месяцев даже в стадии возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

[4] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, Н.А. Колоколов и др.; под ред. В.М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Ч. 1. 231 с. (доступ из СПС «КонсультантПлюс»)

[5] Подобная позиция заявлена представителями России в деле "Царенко (Tsarenko) против Российской Федерации" (жалоба N 5235/09) Постановление ЕСПЧ от 03.03.2011

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П "По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина"

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 25.12.1998 N 167-О

"По делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан П.В. Янчева, В.А. Жеребенкова и М.И. Сапронова"

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 23-П "По делу о проверке конституционности положений частей третьей - седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина"

[9] Постановление ЕСПЧ от 29.05.2012 "Дело "Суслов (Suslov) против Российской Федерации" (жалоба N 2366/07) По делу обжалуется незаконный характер и чрезмерная длительность содержания под стражей. По делу допущено нарушение требования пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // "Бюллетень Европейского Суда по правам человека", 2013, № 11

[10] Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2011 № 45-О11-49. Производство с обвиняемым следственных действий, связанных с предъявлением ему нового обвинения, позволяющего суду продлить срок содержания под стражей свыше установленного законом предельного срока, не подпадает под действие п. 1 ч. 8 ст. 109 УПК РФ.

Заключение Экспертного совета АПМО по Концепции содействия развитию социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации (по запросу Общественной палаты РФ)

Экспертный совет АПМО
01.11.2016

1. В Концепции нет понятия общественно-полезных услуг.

Можно предположить, что СО НКО не все выполняют общественно-полезные услуги.

Само понятие социально ориентированные (СО) включает в себя общественное, то есть ориентированное на общество. Это ориентированное на общество может быть либо полезным либо, бесполезным-вредным. Методом исключения получаем, что СО НКО являются, по своему смыслу, исполнителями общественно-полезных услуг.

Таким образом, с точки зрения русского языка, масло масляное, а с точки зрения права, - смешение понятий и отсутствие конкретики.

Данная сфера деятельности более, чем любая другая, должна быть понятна для неограниченного круга лиц, не только юристов, законодателей и профессионалов. Тем более, что данная концепция включает одну из задач - вовлечение граждан в деятельность СО НКО, популяризацию СО НКО.

2. Не ясна цель концепции и всей этой законодательной инициативы, цели и задачи содержат абстрактные понятия –активизации, расширения, повышения и т.д.

На мой взгляд, законодатели еще не очертили для себя конечные цели развития данного направления, и, на всякий случай, общими фразами, целями, задачами оставляют место для того, чтобы в дальнейшем использовать СО НКО-исполнители общественно-полезных услуг для чего-то еще, что подскажет практика. Такое, с юридической точки зрения, недопустимо.

3. В Концепции следовало бы четко разграничить область регулирования на федеральном уровне, региональном и местном уровнях. Такое разделение должно быть сделано с учетом существующей практики создания и регулирования НКО, мнения представителей существующих НКО с тем, чтобы региональные и местные власти не тормозили реализацию концепцию излишними бюрократическими барьерами.

Адвокат, эксперт АПМО

Жукова Л.В.

О родственных связях адвокатов и судей

27.10.2016

Председателю
Верховного Суда Российской Федерации
В.М. Лебедеву

Уважаемый Вячеслав Михайлович!

25 октября 2016 г. на совещании судей Уральского федерального округа Вы, на наш взгляд, совершенно справедливо обратили внимание на необходимость отмены или изменения ч. 4 ст. 9 Кодекса судейской этики, в которой указано, что «судья должен отказаться от рассмотрения дела, если есть предусмотренные законом основания для отвода судьи либо если может возникнуть конфликт интересов, либо может возникнуть ситуация, ставящая под сомнение беспристрастность судьи», указав, что это положение имеет схоластический характер и при определенных обстоятельствах может негативно отразиться на карьере судьи.

Федеральная палата адвокатов РФ всецело поддерживает эту, а также иные Ваши инициативы, направленные на укрепление судебной системы, развитие законодательства и совершенствование судебных процедур. В то же время полагаем необходимым рассмотреть шире обозначенную Вами проблему, существенно нарушающую интересы судей и членов их семей.

Российскую адвокатуру беспокоит многолетняя и, прямо скажем, дискриминационная практика, сложившаяся в судебной системе, когда запрет родственных связей в судебном процессе по конкретному делу был распространен на запрет адвокатской профессии для членов семей судей по родственному признаку.

Так, 4 августа 2006 г. Правительство РФ издало Распоряжение № 1082-р, которым утвердило Концепцию Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы. В этом документе в разделе 6 «Цели и задачи Программы» было указано: «В целях обеспечения прозрачности судебной системы, преодоления конфликта интересов, устранения личной заинтересованности судьи в исходе дела следует установить запрет на участие адвоката – супруга судьи, близких родственников или свойственников судьи в пределах юрисдикции суда».

Аналогичная норма содержится в разделе 8 Концепции.

Несмотря на отсутствие подобного запрета в законе, данная практика сохраняется до настоящего времени, существенно нарушая права судей и членов их семей, а также ограничивая конституционное право многих граждан на выбор профессии адвоката.

Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

Например, в Приморском крае 15 адвокатов по этой причине прекратили свой статус, только бы не трогали работающих в судах их детей. В Омской и Челябинской областях таких адвокатов оказалось по 7 в каждой. Аналогичные факты имели место в Магаданской, Калужской, Кировской, Новосибирской и ряде других областей. В Приморском крае и Псковской области кандидатов на должности судей не представляли к назначению, так как их родственники имели статус адвоката.

По указанным причинам близкие родственники судей, в интересах последних, не могут претендовать на приобретение статуса адвоката.

С 2008 г. судьям в отставке запрещено работать адвокатами. По этой причине только в Свердловской области более 30 адвокатов прекратили свой статус. Аналогичная ситуация имела место в Республиках Дагестан, Саха (Якутия), в Челябинской области и других регионах России.

Считаем названные ограничения судей и членов их семей несоразмерными целям обеспечения прозрачности судебной системы, преодоления конфликта интересов и борьбы с коррупцией, более того, унижительными, поскольку они предполагают наличие презумпции их виновности в совершении проступков, несовместимых со статусом.

Российская адвокатура видит в качестве основной и приоритетной цели развитие и совершенствование судебной системы. Однако хорошее дело невозможно делать неверными средствами.

Просим Вас, уважаемый Вячеслав Михайлович, поддержать нашу позицию относительно поднятой выше проблемы.

Президент ФПА РФ
Ю.С. Пилипенко

Правовая позиция ФПА РФ

О проектах федеральных законов

02.11.2016

Помощнику Президента
Российской Федерации –
начальнику Государственно-правового управления
Президента Российской Федерации
Л.И. Брычевой

Уважаемая Лариса Игоревна!

Федеральная палата адвокатов РФ рассмотрела направленные в наш адрес проекты федеральных законов «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты» (об оптимизации административного судопроизводства), «О внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Российской Федерации», «О внесении дополнения в статью 303 Уголовного кодекса Российской Федерации» и в целом поддерживает данные законопроекты.

В то же время ФПА РФ категорически не согласна с предлагаемыми в проекте федерального закона «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты» изменениями нормативного регулирования института представительства в административном судопроизводстве, в частности, с предложением об отказе от обязательного профессионального представительства.

Предложение об отступлении от существующего порядка профессионального судебного представительства в пояснительной записке к законопроекту обосновывается активной ролью суда в административном судопроизводстве. Однако данный термин «активная роль суда» в Кодексе об административном судопроизводстве Российской Федерации определен в ином контексте – «состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда» (п. 7 ст. 6 КАС РФ).

Отсутствует необходимость доказывать, что истинная состязательность и равноправие сторон возможна лишь при надлежащей юридической квалификации сторон и (или) их представителей, что невозможно обеспечить, устранив из положений Кодекса существующее в настоящее время требование об обязательном наличии у представителя высшего юридического образования или статуса адвоката.

Во-первых, установление в КАС РФ такого минимального требования к профессиональному уровню судебных представителей, как наличие у них высшего юридического образования, являлось одним из краеугольных положений реформы административного судопроизводства в России.

Данное требование обусловлено сложностью предмета рассмотрения по административным делам. В значительном числе случаев это вопросы права, а не факта.

Во-вторых, в рамках административного судопроизводства (в отличие от гражданского) гражданину или организации в качестве процессуального оппонента всегда противостоит субъект, осуществляющий государственные или иные публичные полномочия. Данный субъект в лице своих сотрудников и представителей по определению обладает более высокой правовой квалификацией, чем не имеющий юридического образования гражданин.

Иными словами, рассматриваемые в порядке административного судопроизводства дела представляют для граждан наибольшую сложность с точки зрения реализации ими своих процессуальных прав и обязанностей. В связи с этим действующая редакция КАС РФ содержит такую гарантию обеспечения равных процессуальных возможностей гражданина и государства, как обязательное наличие у представителя высшего юридического образования.

Данный довод подтверждается и правовым регулированием допуска к представительству в рамках иных видов судопроизводства, где гражданин сталкивается с государственными органами в качестве процессуальных оппонентов. Так, защитником в рамках уголовного судопроизводства может выступать, по общему правилу, только адвокат (ч. 2 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Представителями сторон в конституционном судопроизводстве являются адвокаты и лица, имеющие ученую степень по юридической специальности (ч. 2 ст. 53 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

В-третьих, конституционное право на судебную защиту (ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ) – это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты, которая должна быть обеспечена государством. На это неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 2 февраля 1996 г. № 4-П, от 3 февраля 1998 г. № 5-П, от 28 мая 1999 г. № 9-П, от 11 мая 2005 г. № 5-П, от 8 июня 2015 г. № 14-П и др.).

При этом право на доступ к правосудию по своей природе требует законодательного регулирования, при осуществлении которого федеральный законодатель располагает определенной свободой усмотрения (постановления Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 16 июля 2004 г. № 15-П, от 6 апреля 2006 г. № 3-П, от 19 апреля 2010 г. № 8-П, от 1 марта 2012 г. № 5-П, от 20 мая 2014 г. № 16-П, от 11 ноября 2014 г. № 28-П и др.).

Соответственно, установление различными процессуальными законами требований к судебным представителям направлено на обеспечение возможности реальной судебной защиты прав и свобод граждан.

Указанные позиции были подтверждены Конституционным Судом Российской Федерации в определениях от 6 июня 2016 г. № 1156-О и 1157-О; от 27 сентября 2016 г. № 1781-О, 1782-О, 1783-О и 1784-О. Данными определениями отказано в принятии к рассмотрению жалоб на ч. 1 ст. 55 КАС РФ, устанавливающей обязательность наличия высшего юридического образования у судебных представителей.

В-четвертых, допуск в административное судопроизводство представителей без юридического образования противоречит обязательствам, принятым при вступлении России во Всемирную торговую организацию. Так, в соответствии с пунктом II (1) (А) (а) Перечня специфических обязательств Российской Федерации по услугам, входящего в Приложение I к Протоколу от 16 декабря 2011 г. «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года»[1], только лица, получившие статус адвоката в соответствии с российским законодательством, вправе осуществлять представительство в уголовных судах и российских арбитражных судах, а также выступать в качестве представителя организаций в гражданском и административном судопроизводстве и судопроизводстве по делам об административных правонарушениях.

На основании этого Федеральная палата адвокатов Российской Федерации просит поддержать изложенное выше мнение при формировании позиции по проекту федерального закона «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты».

Президент

[1] Ратифицирован Федеральным законом от 21.07.2012 № 126-ФЗ "О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г."

Правовая позиция ФПА РФ

О проекте федерального закона № 12445-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации”»

11.11.2016

Председателю Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
В.В. Володину

Уважаемый Вячеслав Викторович!

В Федеральной палате адвокатов Российской Федерации рассмотрен проект федерального закона № 12445-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации” (далее – законопроект), подготовленный членом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Лаптевым.

Законопроектом предлагается внести изменения в статьи 6, 18, 20 и 28 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон).

Поддерживая инициативу автора законопроекта по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере оказания бесплатной юридической помощи социально незащищенным гражданам Российской Федерации, вместе с тем полагаем необходимым высказать следующую правовую позицию по законопроекту.

1. Законопроектом предлагается действующую редакцию пункта 2 части 1 статьи 6 Федерального закона, касающуюся такого вида бесплатной юридической помощи, как составление заявлений, жалоб, ходатайств и иных документов правового характера, дополнить новым документом под названием «обращение».

Считаем данное предложение некорректным и не подлежащим удовлетворению, так как термин «обращение» используется в правоприменительной практике в качестве обобщенного понятия нескольких видов письменных или электронных документов, адресованных органам власти и должностным лицам, а также устного обращения граждан.

Например, в пункте 1 статьи 4 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 69-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» дается разъяснение о том, что под термином «обращение» гражданина понимаются «направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления».

Эту же правовую норму после слов «и других документов правового характера» автором законопроекта предлагается дополнить словами: «на стадиях досудебного (внесудебного) порядка урегулирования споров в сфере конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства; а также на стадии исполнительного производства».

Как сказано в пояснительной записке, предлагаемая редакция правовой нормы детализирует виды бесплатной юридической помощи, оказываемой гражданам, и конкретизирует стадии внесудебного, досудебного, судебного и исполнительного производств, на которых возможно применение норм Федерального закона. На самом же деле в правовой норме пункта 2 части 1 статьи 6 Федерального закона речь идет лишь об одном из видов бесплатной юридической помощи – составлении заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера.

Действующая норма носит универсальный характер и, по нашему мнению, дополнительной детализации не требует.

Кроме того, предлагаемая редакция правовой нормы несет в себе ограничение права неимущего гражданина на получение бесплатной юридической помощи, так как оказание данного вида бесплатной юридической помощи лицу по составлению документов правового характера должно быть обусловлено наличием гражданско-правового спора: внесудебного, досудебного или судебного. По смыслу предлагаемой правовой нормы получается, что отсутствие гражданско-правового спора должно влечь отказ гражданину в предоставлении данного вида бесплатной юридической помощи. Такие ситуации возможны, например, в случае обращения гражданина об оказании ему помощи при оформлении документов для назначения пенсии, либо в иных аналогичных случаях при отсутствии гражданско-правового спора.

Считаем данное предложение неприемлемым.

2. Законопроектом предлагается в части 8 статьи 18 Федерального закона изменить срок представления адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации сводного отчета об оказании бесплатной юридической помощи адвокатами в уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации (1 раз в полугодие вместо 1 раза в год) и установить адвокатским палатам дополнительную обязанность – представлять вышеуказанный сводный отчет в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти с той же периодичностью.

В пояснительной записке к законопроекту приведен довод о качественном повышении уровня контроля в отношении всех организаций и учреждений, осуществляющих бесплатную юридическую помощь на территории Российской Федерации. Однако принятие данной поправки и ее избирательность (только для адвокатских палат) никак не обоснованы и, на наш взгляд, в ее принятии никакой необходимости нет.

При этом следует иметь в виду, что возложение обязанности по подготовке дополнительной отчетности повлечет соответствующие расходы материально-технических и трудовых ресурсов вышеуказанных субъектов системы бесплатной юридической помощи на территории Российской Федерации.

Считаем предлагаемую поправку в часть 8 статьи 18 Федерального закона необоснованной и нецелесообразной.

3. Законопроектом предлагается дополнить часть 1 статьи 20 Федерального закона пунктом 51 – о предоставлении права на получение бесплатной юридической помощи гражданам без определенного места жительства при условии их постановки на учет в специальном органе, осуществляющем меры социальной поддержки, либо в специальном учреждении социальной помощи для таких лиц.

Как указано в пояснительной записке к законопроекту, данная норма существенно повысит эффективность защиты их прав и свобод.

Мы искренне разделяем мнение разработчика законопроекта о необходимости предоставления права на оказание бесплатной юридической помощи этой самой обездоленной категории российских граждан.

Вместе с тем применение предлагаемой правовой нормы в настоящее время будет затруднено из-за отсутствия надлежащего механизма реализации права бездомных лиц на получение бесплатной юридической помощи, который обеспечивал бы баланс защиты прав и законных интересов иных субъектов этих правоотношений.

Без принятия необходимых организационных и медико-санитарных мер наделение правом бездомных лиц на получение бесплатной юридической помощи создаст реальную угрозу здоровью как адвокатов, сотрудников государственных юридических бюро или студентов юридических клиник, к которым могут обратиться бездомные лица, как правило, страдающие педикулезом, туберкулезом и иными опасными инфекционными заболеваниями, так и других граждан при посещении ими мест оказания бесплатной юридической помощи.

Например, ГОСТ Р 53064-2008. «Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания и социальные услуги лицам без определенного места жительства и занятий» (утвержден и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 18 декабря 2008 г. № 441-ст) не предусматривает обязательного медицинского обследования при поступлении бездомных лиц в социальное учреждение на предмет выявления у них заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

Между тем право на охрану здоровья людей гарантировано частью 2 статьи 7 Конституции Российской Федерации и регламентировано Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в соответствии со статьей 98 которого ответственность за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья возлагается на органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Поэтому наделение бездомных лиц правом на получение бесплатной юридической помощи потребует принятия необходимых организационных и иных мер, а также финансовых расходов по обеспечению безопасности для здоровья участников государственной системы бесплатной юридической помощи при работе с бездомными гражданами.

Кроме того, предполагаемая законопроектом цель повышения эффективности защиты прав и свобод бездомных граждан не всегда может быть достигнута по распространенной причине отсутствия у них регистрации по месту жительства или временной регистрации по месту пребывания, документов, удостоверяющих личность и т.п., что, в свою очередь, является основанием к отказу в предоставлении бесплатной юридической помощи в соответствии с подпунктами 2 и 3 части 2 статьи 21 Федерального закона, в частности, при необходимости представлять интересы в суде, государственном или муниципальном органе, организации из-за отсутствия правовых оснований для предъявления соответствующих требований или при наличии установленных законодательством препятствий к обращению в указанные выше органы.

Таким образом, предлагаемое законопроектом дополнение части 1 статьи 20 Федерального закона пунктом 51 о гражданах без определенного места жительства требует значительной доработки и согласования с иными нормативно-правовыми и законодательными актами.

4. Предложение законопроекта о дополнении пункта 1 части 3 статьи 20 Федерального закона пунктом «г» – положением о предоставлении гражданам бесплатной юридической помощи в виде представительства интересов в судах, государственных и муниципальных органах, иных организациях по вопросам признания права на страховую пенсию и включения в стаж периодов работы для назначения страховой пенсии, по нашему мнению, должно быть поддержано.

5. Законопроектом предлагается дополнить абзац 1 части 1 статьи 28 Федерального закона положением, согласно которому на государственные юридические бюро, адвокатские и нотариальные палаты возлагается обязанность осуществлять правовое информирование и правовое просвещение граждан.

В настоящее время эта обязанность возложена на федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения, органы исполнительной власти субъектов Российской

Федерации и подведомственные им учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов, органы местного самоуправления и должностных лиц.

В настоящее время адвокаты-участники государственной системы бесплатной юридической помощи размещают в помещениях адвокатских палат и адвокатских образований, на своих интернет-сайтах вполне достаточную информацию о порядке и случаях оказания бесплатной юридической помощи. Это вызвано объективной необходимостью проинформировать граждан о возможности реализовать ими свое право на получение бесплатной юридической помощи и об условиях предоставления адвокатами этой помощи (адрес и время приема граждан, необходимый пакет документов и пр.).

Считаем, что данный вопрос не требует дополнительного регулирования на федеральном уровне.

Кроме того, возложение Федеральным законом на адвокатуру обязанности по правовому информированию и просвещению населения потребует внесения изменений во все законы субъектов Российской Федерации в сфере оказания бесплатной юридической помощи, а также дополнительных расходов по оплате труда адвокатов за эту работу.

На основании изложенного просим Вас, уважаемый Вячеслав Викторович, довести позицию Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации до сведения депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации для возможного учета мнения профессионального сообщества при принятии решения по данному законопроекту.

Президент ФПА РФ
Ю.С. Пилипенко

Правовая позиция ФПА РФ

О проекте федерального конституционного закона № 36765-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"»

13.12.2016

Председателю Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
В.В. Володину

Уважаемый Вячеслав Викторович!

В Федеральной палате адвокатов Российской Федерации рассмотрен проект федерального конституционного закона № 36765-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» (далее – законопроект), принятый Государственной Думой в первом чтении.

Законопроектом предлагается ввести в Федеральный конституционный закон новый вид постановления, принимаемого Конституционным Судом Российской Федерации по итогам рассмотрения дела о проверке конституционности нормативного акта органа государственной власти или договора между органами государственной власти, – постановление о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений соответствующими Конституции РФ в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации.

В случае принятия такого постановления при применении соответствующего нормативного акта или договора исключается любое иное их истолкование. Корреспондирующее регулирование предлагается установить в отношении итоговых решений по жалобам на нарушение законом конституционных прав и свобод граждан.

На протяжении всей истории конституционного судопроизводства законодатель и Конституционный Суд Российской Федерации постоянно изучают практику исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и проводят последовательную работу по изменению федерального законодательства (в том числе отраслевых процессуальных кодексов – УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), с целью сведения к минимуму случаев уклонения различных правоприменительных органов, включая суды, от применения норм законодательства только в их конституционно-правовом смысле.

При этом в правоприменительной практике граждане постоянно испытывают трудности при ссылках на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Например, в Определении от 15 января 2016 г. № 186-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что правоприменительные решения, вынесенные в отношении Мошкина М.И. на основании статей 165 и 183 УПК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 2015 г. № 33-П, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

М.И. Мошкин 1 марта 2016 г. подал заявление на имя Председателя Верховного Суда Российской Федерации о внесении представления в Президиум Верховного Суда Российской Федерации о возобновлении производства по его делу ввиду новых обстоятельств. Судья Верховного Суда Российской Федерации в письме от 18 марта 2016 г. указал, что заявление было оставлено без рассмотрения в связи с отсутствием оснований для возобновления производства ввиду новых обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 части четвертой статьи 413 УПК Российской Федерации.

Федерации (согласно данной норме в качестве таковых может выступать признание Конституционным Судом Российской Федерации закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации).

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 7 июля 2016 г. № 1435-О-Р указал, что, исходя из юридического значения подтверждения конституционности правовой нормы именно в выявленном конституционно-правовом смысле, как исключającego любое иное, т.е. неконституционное, ее истолкование, а следовательно, и применение в неконституционной интерпретации, – то обстоятельство, что положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации связывают необходимость пересмотра дела заявителя только с установленной Конституционным Судом Российской Федерации неконституционностью нормы, не может служить препятствием для использования этой процедуры и применительно к случаям принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в котором выявляется ее конституционно-правовой смысл.

Законопроект предусматривает прямое закрепление принципа недопустимости применения нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с предложенным Конституционным Судом Российской Федерации.

Законопроект поддержан Конституционным Судом Российской Федерации (письмо председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина от 18 ноября 2016 г. № 1395 на имя помощника Президента Российской Федерации – начальника Государственно-правового управления Президента Российской Федерации Л.И. Брычевой).

Положения отдельных пунктов законопроекта в целом взаимно непротиворечивы и гармонично вписываются в структуру действующей редакции Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (с последующими изменениями и дополнениями).

Вместе с тем считаем необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства и вытекающие из них предложения.

1. Представляется необходимым дополнить проект закона отдельной статьей о внесении изменений и дополнений в корреспондирующие законы, в частности в ГПК РФ и УПК РФ.

В ГПК РФ установлен порядок, позволяющий суду общей юрисдикции, рассмотревшему дело в первой инстанции, самому решать, пересматривать ли вынесенное ранее решение, основанное на законе, который Конституционный Суд РФ признал противоречащим Конституции РФ. Однако вызывает сомнение законная сила решений судов, основанных на законах, противоречащих Конституции РФ, либо толкуемых не в соответствии с данным Конституционным Судом РФ истолковании. В связи с этим необходимо внесение соответствующих изменений в ГПК РФ.

Аналогичные поправки следует внести и в УПК РФ. Так, по действующим его нормам подлежат пересмотру лишь те приговоры, которые вынесены на основании закона, признанного Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим Конституции РФ. По точному смыслу закона к таким нормам нельзя отнести те, которые признаны соответствующими Конституции Российской Федерации, даже с оговоркой о том, что этот закон применим только в том конституционно-правовом смысле, который выявлен Конституционным Судом Российской Федерации в соответствующем решении.

2. Конституционный Суд Российской Федерации всегда отказывал в рассмотрении жалоб на неконституционность закона, ранее уже признанного им соответствующим либо не соответствующим Конституции РФ. С этим связан и вопрос об обратной силе решений

Конституционного Суда Российской Федерации о частичном признании оспариваемого закона не соответствующим Конституции РФ.

Представляется очевидным, что признание правовой нормы противоречащей Конституции РФ (частично либо в полном объеме) должно приводить к признанию этой нормы утратившей силу с момента принятия решения Конституционным Судом Российской Федерации (или с момента возникновения противоречия Конституции РФ, если эти моменты не совпадают), а также к пересмотру судебных и иных решений, вынесенных до принятия этого решения Конституционным Судом Российской Федерации.

Признание оспариваемой нормы соответствующей Конституции РФ в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, должно влечь за собой пересмотр решений судов по новым обстоятельствам на основании такого постановления.

3. Чаще всего Конституционный Суд Российской Федерации принимает решения о признании закона соответствующим Конституции РФ, но в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, в определениях, в юридическом обиходе именуемых определениями с позитивным содержанием. В законопроекте и в таких случаях речь идет о постановлениях. Однако если после того, как законопроект станет законом, решения Конституционного Суда Российской Федерации с позитивным содержанием будут приниматься только в виде постановлений, то возникает риск, что ранее принятые определения с позитивным содержанием не будут применяться.

Необходимо либо дополнить законопроект указанием о внесении соответствующих изменений и дополнений в ст. 3 и 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», либо в законопроекте в соответствующих местах слово «постановление» заменить словом «решение».

На основании изложенного просим Вас, уважаемый Вячеслав Викторович, довести позицию Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации до сведения депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации для возможного учета мнения профессионального сообщества при принятии решения по данному законопроекту.

Президент ФПА РФ
Ю.С. Пилипенко

Правовая позиция ФПА РФ

О проекте федерального закона № 40165-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства)»

16.12.2016

Председателю Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
В.В. Володину

Уважаемый Вячеслав Викторович!

В Федеральной палате адвокатов Российской Федерации рассмотрен проект федерального закона № 40165-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства)» (далее – законопроект), внесенный Правительством Российской Федерации.

Законопроектом предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в части, касающейся исчисления и продления срока содержания под стражей в период рассмотрения прокурором поступившего к нему уголовного дела.

Мы не можем поддержать данный законопроект по следующим основаниям.

Во-первых, для принятия законопроекта не имеется правовых обоснований и убедительных причин.

По нашему мнению, любой законопроект должен быть продиктован необходимостью решения накопившихся проблем в применении УПК РФ.

Данные проблемы могут возникнуть в связи с наличием противоречивых и неудачных норм либо в связи с неурегулированностью или недостаточной урегулированностью правоотношений в уголовном процессе.

Изучение данного законопроекта и пояснительной записки к нему свидетельствует о том, что действующая редакция УПК РФ в части, касающейся исчисления и продления срока содержания под стражей в период досудебного производства, является приемлемой и не требующей внесения предлагаемых изменений.

В качестве причин принятия законопроекта в пояснительной записке указываются следующие:

1. В срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением.

При этом срок содержания под стражей в период предварительного следствия исчисляется с момента заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу и до направления прокурором уголовного дела в суд, то есть включает в себя срок содержания под стражей не только в период расследования, но и во время, необходимое прокурору для рассмотрения поступившего к нему уголовного дела. В этом разработчики видят несогласованность норм.

Считаем, что какая-либо несогласованность норм в данном случае отсутствует, поскольку срок предварительного следствия в любом случае не должен соответствовать сроку содержания обвиняемого под стражей в период предварительного следствия.

Срок предварительного следствия, как правило, превышает срок содержания под стражей, поскольку сначала возбуждается уголовное дело и лишь затем в ходе проводимого предварительного следствия в отношении обвиняемого (подозреваемого) избирается мера пресечения в виде заключения под стражу.

Совершенно очевидно, что срок предварительного следствия и срок содержания под стражей в период предварительного следствия по объективным причинам имеют разные правовой режим и природу.

Соблюдение процессуальных сроков следствия и содержания под стражей является обязанностью правоприменителя. Никаких препятствий и непреодолимых процессуальных проблем действующие нормы не создают.

2. Следователь или дознаватель вынуждены продлевать срок предварительного следствия или дознания исключительно в целях содержания обвиняемого под стражей в период рассмотрения прокурором уголовного дела, то есть когда дальнейшее производство следственных действий уже не требуется, а производство расследования фактически окончено.

Приведенная причина является несостоятельной.

Никаких сложностей для следователей и дознавателей изначально не должно возникать. Так, при продлении срока предварительного следствия они должны учесть и оставить прокурору соответственно 10 и 2 суток для принятия решения.

Никаких технологических проблем для стороны обвинения эта процедура не представляет.

При этом прокурор при рассмотрении поступившего обвинительного заключения может принять решение и ранее 10 суток, что нередко случается в практике.

Что касается положения, предусмотренного пунктом 1.1 части 1 статьи 221 УПК РФ, когда в случае сложности или большого объема уголовного дела срок, установленный частью первой настоящей статьи, может быть продлен по мотивированному ходатайству прокурора вышестоящим прокурором до 30 суток, то прокуроры таким правомочием пользуются крайне редко.

Следует учесть, что согласно статье 214 УПК РСФСР прокурор или его заместитель были обязаны в срок не более 5 суток рассмотреть поступившее уголовное дело с обвинительным заключением.

Данная стадия в течение длительного советского и постсоветского времени не вызывала никаких сложностей у прокуроров, которые справлялись с изучением дел в течение 5 суток.

При этом уголовные дела в прошлом, как и сегодня, были разной степени сложности, и мы не можем утверждать, что сегодня они стали сложнее.

Тем не менее законодатель сначала увеличил этот срок с 5 до 10 суток, затем до 30 суток, и в настоящее время совершенно безосновательно предпринимаются попытки для оформления полноценной стадии уголовного процесса между предварительным следствием и судебным разбирательством.

3. В связи с этим сроки предварительного расследования необоснованно увеличиваются на срок, необходимый для реализации прокурором полномочий по поступившему уголовному делу.

Действительно, сроки предварительного расследования увеличиваются на срок, необходимый для реализации прокурором полномочий по поступившему уголовному делу, то есть до 10 суток при утверждении обвинительного заключения и до 2 суток при утверждении обвинительного акта.

Необходимо иметь в виду, что данные сроки являются обязательными и с учетом обязательности участия прокурора в утверждении обвинительного заключения или акта эти сроки невозможно избежать.

В связи с этим нельзя согласиться с доводом в пояснительной записке о том, что сроки предварительного следствия увеличиваются необоснованно.

Они как раз удлиняются ради важной процессуальной процедуры принятия прокурором решения по поступившему к нему уголовному делу и увеличиваются на совершенно несущественный срок.

4. При этом процедура продления срока предварительного расследования также требует значительных временных затрат, в том числе связанных с необходимостью передачи уголовного дела на рассмотрение руководителя вышестоящего следственного органа, находящегося не по месту производства расследования.

Предполагается, что процедура продления срока предварительного расследования не требует значительных временных затрат.

Следует иметь в виду, что далеко не по всем делам возникает необходимость продления срока предварительного расследования для выполнения прокурором своих полномочий, предусмотренных статьями 221, 226 УПК РФ.

Если следователь или дознаватель, рационально расследуя уголовное дело или проводя дознание, заблаговременно оставили прокурору процессуальное время для утверждения обвинительного заключения или акта, то необходимости в продлении сроков не возникнет.

Прокуроры способны организовать процессуальный надзор таким образом, чтобы следователи и дознаватели предоставляли первым такую возможность.

Является надуманным аргумент о том, что сложность процедуры продления связана с необходимостью передачи уголовного дела на рассмотрение руководителя вышестоящего следственного органа, находящегося не по месту производства расследования.

Так, в соответствии с частью 7 статьи 162 УПК РФ: «В случае необходимости продления срока предварительного следствия следователь выносит соответствующее постановление и представляет его руководителю следственного органа не позднее 5 суток до дня истечения срока предварительного следствия».

Согласно статье 162 УПК РФ при продлении срока предварительного следствия не требуется санкции руководителя вышестоящего следственного органа, а достаточно решения руководителя следственного органа, который располагается в том же месте, где и сам следователь.

Необходимость обращения к вышестоящему прокурору для продления срока до 30 суток возникает крайне редко (часть 1.1 статьи 220 УПК РФ).

5. Авторы документа отмечают, что положения законопроекта согласуются с правовой позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой переход от одной процессуальной стадии к другой не влечет автоматического прекращения действия примененной на предыдущих стадиях меры пресечения (Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П).

На наш взгляд, приведенное постановление Конституционного Суда РФ вопреки доводам пояснительной записки никакого отношения не имеет к предлагаемому законопроекту и необходимость его принятия не подтверждает.

То очевидное обстоятельство, что переход от одной процессуальной стадии к другой не влечет автоматического прекращения действия примененной на предыдущих стадиях меры пресечения, не может обосновывать необходимость наделения прокурора правом самостоятельного продления срока содержания под стражей в период рассмотрения поступившего к нему уголовного дела в порядке статьи 221 УПК РФ.

Напротив, многочисленные позиции Конституционного Суда РФ многократно подтверждали исключительное правомочие суда на продление срока содержания под стражей.

Авторы законопроекта не привели статистику, в соответствии с которой из-за якобы несовершенной процедуры приходилось в массовом порядке освобождать обвиняемых из-под стражи либо прокуроры не смогли выполнить свои полномочия при утверждении обвинительных документов.

Напротив, Федеральная палата адвокатов Российской Федерации не располагает сведениями ни об одном таком случае.

Таким образом, в пояснительной записке к законопроекту не содержится ни одной существенной причины, обуславливающей внесение и принятие предлагаемых изменений в УПК РФ.

Во-вторых, предложения, изложенные в законопроекте, направлены на ограничение прав обвиняемых.

В настоящее время сроки содержания под стражей в ходе досудебного производства урегулированы статьей 109 УПК РФ.

При этом срок содержания под стражей в период предварительного следствия исчисляется с момента заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу и до направления прокурором уголовного дела в суд (часть 9 статьи 109 УПК РФ).

Срок содержания под стражей может быть продлен до 12 месяцев, а в исключительных случаях – до 18 месяцев.

Сроки содержания под стражей в ходе судебного разбирательства определяются в статье 255 УПК РФ и не могут превышать 6 месяцев, однако по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях сроки могут быть продлены каждый раз не более чем на 3 месяца. Данные сроки отсчитываются с момента поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора.

По нашему мнению, не имеется никакой процессуальной необходимости из срока содержания под стражей в период досудебного производства отдельно выделять срок рассмотрения прокурором обвинительного заключения (статья 221 УПК РФ) или обвинительного акта (статья 226 УПК РФ). Законопроектом фактически предлагается увеличить предельные сроки содержания под стражей на этапе досудебного судопроизводства по уголовным делам. Предложения авторов законопроекта лишают обвиняемых права быть освобожденными из-под стражи при истечении предельных сроков.

Данный вывод подтверждается проектом части 9 статьи 109 УПК РФ: «Срок содержания под стражей в период предварительного расследования исчисляется с момента заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу до направления уголовного дела прокурору с

обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера».

Согласно требованиям части 3 статьи 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Между тем никакой необходимости ограничения прав и свобод человека в данном случае не имеется, поскольку никакой угрозы для вышеперечисленных объектов конституционной охраны практика применения ныне действующей редакции УПК РФ не создает.

Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры.

В заключение хотелось бы привести слова выдающегося российского юриста Ф.Н. Плевако: «Уставы созданы не для карьеры судей и прокуроров, не для довольства и роскоши адвокатов; они – для водворения правды на Руси».

Законопроект преследует цель «облегчить» деятельность стороны обвинения на досудебной стадии при отсутствии каких-либо заметных и обоснованных причин для этого ценою нарушения конституционных прав граждан.

По этим причинам данный законопроект не может быть поддержан.

На основании изложенного просим Вас, уважаемый Вячеслав Викторович, довести позицию Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации до сведения депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации для возможного учета мнения профессионального сообщества при принятии решения по данному законопроекту.

Президент ФПА РФ
Ю.С. Пилипенко

Определение Конституционного Суда Российской Федерации

Именем Закона

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Суханова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»

город Санкт-Петербург 25 октября 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева, рассмотрев по требованию гражданина А.А.Суханова вопрос о возможности принятия его жалобы к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

установил:

1. Гражданину А.А.Суханову, имеющему статус адвоката, вступившими в законную силу решениями судов, вынесенными в порядке гражданского судопроизводства, отказано в признании незаконными действий должностных лиц следственных изоляторов, не допустивших его к посещению содержащихся в этих учреждениях граждан Г. и М., несмотря на предъявление ордера и удостоверения адвоката.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации А.А.Суханов утверждает, что статья 38 «Следователь» УПК Российской Федерации и часть первая статьи 18 «Свидания с защитником, родственниками и иными лицами» Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, возлагают на адвоката обязанность испрашивать у следователя или судьи разрешение на посещение лиц, содержащихся в следственном изоляторе, чем ограничивают возможность осуществлять адвокатскую деятельность, лишают адвоката права на труд и потому противоречат статьям 2, 15 (часть 1), 17, 18, 37 (части 1 и 3), 45, 46 (части 1 и 2), 48 (часть 2), 55 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению. Статья 38 УПК Российской Федерации определяет следователя как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной данным Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, и регулирует его процессуальный статус.

Часть первая статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» определяет правила свиданий подозреваемых и обвиняемых с защитником – лицом, осуществляющим в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающим им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (часть первая статьи 49 УПК Российской Федерации).

Из жалобы А.А.Суханова следует, что он не являлся защитником лиц, на свидании с которыми настаивал, а намеревался оказать им юридическую помощь по вопросам, не относящимся к производству по уголовным делам.

Поскольку к предмету регулирования оспариваемых законоположений не относится порядок свидания подозреваемых и обвиняемых с адвокатом, не являющимся защитником по их уголовному делу, эти нормы не могут расцениваться как нарушающие права заявителя в указанном им аспекте. Следовательно, данная жалоба, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению. Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 40, пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Суханова Алексея Александровича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации В.Д.Зорькин
№ 2364-О

Определение Конституционного Суда Российской Федерации

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алиева Гаджи Алиевича, Бадамшина Сергея Викторовича и Ивановой Александры Павловны на нарушение их конституционных прав статьей 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»

город Санкт-Петербург 25 октября 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева, рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы граждан Г.А.Алиева, С.В.Бадамшина и А.П.Ивановой к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, установил:

1. Граждане Г.А.Алиев и С.В.Бадамшин, имеющие статус адвокатов, обратились в суд с административным иском о признании незаконными действий сотрудников следственного изолятора, связанных с отказом в предоставлении им свиданий с содержащейся в данном учреждении гражданкой А.П.Ивановой, обвиняемой в совершении преступления. Решением суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано, поскольку при обращении адвокатов с

заявлениями о свидании в следственном изоляторе отсутствовали уведомления следователя о допуске данных лиц в качестве защитников А.П.Ивановой. В передаче кассационной жалобы на указанные судебные решения для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции Г.А.Алиеву и С.В.Бадамшину отказано.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Г.А.Алиев, С.В.Бадамшин и А.П.Иванова утверждают, что статья 18 «Свидания с защитником, родственниками и иными лицами» Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» противоречит статьям 45 (часть 2), 46, 48 и 123 (часть 3)

Конституции Российской Федерации, поскольку в силу ее неопределенности и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, влечет обязательность получения адвокатом уведомления (по своей юридической природе – разрешения) от лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, о допуске к участию в этом деле в качестве защитника, что в зависимости от ряда объективных и субъективных обстоятельств, связанных с получением такого уведомления, может лишить подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей, права своевременно получить квалифицированную юридическую помощь, а адвоката – возможности выполнять свои профессиональные обязанности.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

2.1. Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя конституционность ряда норм Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», сформулировал в Постановлении от 25 октября 2001 года № 14-П следующие правовые позиции: выполнение адвокатом, имеющим ордер юридической консультации на ведение

уголовного дела, процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, основанного не на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, исключающих участие этого адвоката в деле; требование обязательного получения адвокатом (защитником) от лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, разрешения на допуск к участию в деле означает, по существу, что подозреваемый и обвиняемый могут лишиться своевременной квалифицированной юридической помощи, а адвокат (защитник) – возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности, если получению такого разрешения препятствуют обстоятельства объективного (отсутствие следователя) либо субъективного (нежелание следователя допустить адвоката на свидание) характера.

Названное решение Конституционного Суда Российской Федерации сохраняет свою силу, а выраженные в нем правовые позиции подлежат обязательному учету как федеральным законодателем при принятии законов, так и правоприменителями, включая соответствующие судебные инстанции, – при производстве по конкретным уголовным делам.

2.2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет защитника как лицо, осуществляющее в предусмотренном данным Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (часть первая статьи 49), регулирует порядок приглашения, назначения и замены защитника, а также отказа от защитника (статьи 50 и 52), закрепляет основания, исключающие участие защитника в производстве по уголовному делу (статья 72), и устанавливает, что адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера (часть четвертая статьи 49).

Вступив в уголовное дело в качестве защитника путем предъявления удостоверения адвоката и ордера на исполнение поручения, выданного соответствующим адвокатским образованием (части третья и четвертая статьи 49 УПК Российской Федерации), адвокат наделяется соответствующими процессуальными полномочиями, предусмотренными статьей 53 УПК Российской Федерации, к числу которых относится и право иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания в соответствии с пунктом 3 части четвертой статьи 46 и пунктом 9 части четвертой статьи 47 данного Кодекса (пункт 1 части первой), являющееся важным условием реализации иных прав, гарантированных уголовно-процессуальным законом названным участникам уголовного судопроизводства.

В силу закрепленных в статьях 11 и 16 УПК Российской Федерации принципов охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту должностное лицо или орган, ведущие производство по уголовному делу, обязаны не только разъяснить участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность, но и обеспечить возможность осуществления этих прав, в том числе применительно к подозреваемому и обвиняемому – их права на защиту лично либо с помощью защитника. Следовательно, вступление адвоката в уголовное дело в качестве защитника влечет возникновение корреспондирующей гарантированному ему пунктом 1 части первой статьи 53 данного Кодекса праву обязанности следователя обеспечить реализацию права на свидания с доверителем, выполнение которой не ставится в зависимость от каких-либо дополнительных условий, включая предъявление следователю или администрации места содержания под стражей иных документов, нежели предусмотренных частью четвертой статьи 49 данного Кодекса и статьей 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, положения статей 49 и 53 УПК Российской Федерации не должны служить основанием

для лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, принимать правоприменительные акты, разрешающие защитнику участвовать в деле; не должны они рассматриваться и как основание для введения разрешительного порядка реализации права адвоката иметь свидания с подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей (определения от 22 апреля 2010 года № 596-О-О и от 23 июня 2016 года № 1432-О).

2.3. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», регулируя порядок и определяя условия содержания под стражей, гарантии прав и законных интересов лиц, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законом задержаны по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (статья 1), устанавливает, что содержание таких лиц под стражей осуществляется в целях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (статья 3); в местах содержания под стражей устанавливается режим, обеспечивающий соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, выполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, выполнение задач уголовного судопроизводства; обеспечение режима возлагается на администрацию и сотрудников мест содержания под стражей, которые несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей (статья 15).

Одним из элементов указанного режима является закрепленный частью первой статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» порядок предоставления подозреваемым и обвиняемым свиданий с защитником – наедине и конфиденциально без ограничения их числа и продолжительности, за исключением случаев, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (часть четвертая статьи 92 УПК Российской Федерации); свидания предоставляются защитнику по предъявлении удостоверения адвоката и ордера; истребование у адвоката иных документов запрещается.

Поскольку режим содержания под стражей обеспечивает безопасность следственного изолятора, соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, выполнение задач уголовного судопроизводства, включая предотвращение преступлений, передачи сведений, могущих помешать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, недопущение угроз свидетелю, другим участникам процесса, уничтожения доказательств, воспрепятствования иным путем производству по уголовному делу (часть первая статьи 15 и статья 32 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», часть первая статьи 97 и статья 108 УПК Российской Федерации), постольку предоставление в порядке части первой статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» подозреваемому или обвиняемому, содержащемуся под стражей, свидания с адвокатом, вступившим в уголовное дело в качестве защитника, предполагает, что администрация следственного изолятора как орган, ответственный за соблюдение режима, располагает сведениями о приобретении адвокатом данного процессуального статуса в конкретном деле. Наличие таких сведений у администрации следственного изолятора обеспечивается ее отношениями со следователем, которые по своему характеру не относятся к уголовно-процессуальным и в которые не могут вовлекаться иные участники уголовного судопроизводства, в том числе со стороны защиты. Тем более такие отношения не должны влечь возложение на иных участников уголовного судопроизводства каких-либо обременений, дополняющих процедуру вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника. При этом решение администрации места содержания под стражей об отказе в доступе адвоката (защитника) в место содержания под стражей, а равно отказе в продолжении его свидания с подозреваемым или обвиняемым должно быть обосновано установлением конкретных, указанных в законе

обстоятельств и не может быть обусловлено лишь отсутствием сведений о наделении адвоката статусом защитника по уголовному делу, не представленных своевременно следователем администрации следственного изолятора.

Иное истолкование названных норм расходилось бы с их аутентичным смыслом, противоречило бы правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о вступлении адвоката в уголовное дело в качестве защитника, лишало бы подозреваемого и обвиняемого возможности своевременно получить квалифицированную юридическую помощь, а адвоката (защитника) – возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности, чем приводило бы к нарушению статьи 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 46, 49 (части 1 и 2), 50 (часть 2) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Следовательно, оспариваемое заявителями законоположение неопределенности в обозначенном ими аспекте не содержит и не может расцениваться как нарушающее их права, а потому данная жалоба, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алиева Гаджи Алиевича, Бадамшина Сергея Викторовича и Ивановой Александры Павловны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации В.Д.Зорькин
№ 2358-О

(Минюст России)

Приказ

14 декабря 2016 г.

№288

Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса

В соответствии с пунктом 3 статьи 6.1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, №23, ст. 2102; 2003, №44, ст. 4262; 2004, №35, ст. 3607, №52 (ч. 1), ст. 5267; 2007, №31, ст. 4011, №50, ст. 6233; 2008, №30 (ч. 2), ст. 3616; 2011, №29, ст. 4291, №48, ст. 6727; 2013, №27, ст. 3477; 2015, №29 (ч. 1), ст. 4394; 2016, №23, ст. 3284) и Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313 (Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, №42, ст. 4108; 2005, №44, ст. 4535, № 52 (ч. 3), ст. 5690; 2006, № 12, ст. 1284, № 19, ст. 2070, № 23, ст. 2452, №38, ст. 3975, №39, ст. 4039; 2007, № 13, ст. 1530, №20, ст. 2390; 2008, № 10 (ч.2), ст. 909, №29 (ч. 1), ст. 3473, №43, ст. 4921; 2010, №4, ст. 368, №19, ст. 2300; 2011, № 21, ст. 2927, ст. 2930, № 29, ст. 4420; 2012, № 8, ст. 990, № 18, ст. 2166, №22, ст. 2759, №38, ст. 5070, № 47, ст. 6459, № 53 (ч. 2), ст. 7866; 2013, № 26, ст. 3314, № 49 (ч. 7), ст. 6396, № 52 (ч. 2), ст. 7137; 2014, № 26 (ч. 2), ст. 3515, № 50, ст. 7054; 2015, № 14, ст. 2108, № 19, ст. 2806, № 37, ст. 5130; 2016, № 1 (ч. 2), ст. 207, ст. 211, № 19, ст. 2672), приказываю:

Утвердить прилагаемые требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса.

Министр А.В.Коновалов

ТРЕБОВАНИЯ
К ФОРМЕ, ПОРЯДКУ ОФОРМЛЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ
АДВОКАТСКОГО ЗАПРОСА

I. Общие положения

1. Настоящие требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса (далее - Требования) определяют форму, порядок оформления и направления адвокатского запроса в соответствии со статьей 6.1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63 -ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 23, ст. 2102; 2003, № 44, ст. 4262; 2004, № 35, ст. 3607, № 52 (ч. 1), ст. 5267; 2007, № 31, ст. 4011, № 50, ст. 6233; 2008, № 30 (ч. 2), ст. 3616; 2011, № 29, ст. 4291, № 48, ст. 6727; 2013, № 27, ст. 3477; 2015, № 29 (ч. 1), ст. 4394; 2016, № 23, ст. 3284) (далее - Федеральный закон).

II. Порядок оформления адвокатского запроса

2. Адвокатский запрос оформляется на бумажном носителе и (или) в электронной форме. Рекомендуемый образец адвокатского запроса содержится в приложении № 1 к Требованиям.

3. Адвокатский запрос на бумажном носителе может быть выполнен от руки, машинописным способом или распечатан посредством электронных печатающих устройств.

4. При оформлении адвокатского запроса в электронной форме он должен отвечать требованиям, предъявляемым к электронному документообороту с использованием квалифицированной электронной подписи.

5. Адвокатский запрос должен содержать:

1) полное или сокращенное (при наличии) наименование органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественного объединения или иной организации, куда он направляется;

2) почтовый адрес органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественного объединения или иной организации, куда он направляется;

- 3) фамилию, имя, отчество (при наличии) адвоката;
 - 4) регистрационный номер адвоката в реестре адвокатов субъекта Российской Федерации;
 - 5) реквизиты соглашения об оказании юридической помощи, либо ордера, либо доверенности (номер, дата выдачи ордера, либо доверенности, либо дата заключения соглашения);
 - 6) полное или сокращенное (при наличии) наименование адвокатского образования, в котором адвокат, направляющий запрос, осуществляет свою деятельность;
 - 7) почтовый адрес; при наличии - электронный адрес и номер телефона/факса адвоката, направляющего запрос;
- 8) наименование документа (адвокатский запрос);
 - 9) регистрационный номер адвокатского запроса в журнале регистрации адвокатских запросов;
 - 10) указание нормы Федерального закона, в соответствии с которой направляется адвокатский запрос (в преамбуле запроса);
 - 11) фамилию, имя, отчество (при наличии) физического лица или полное (сокращенное) наименование юридического лица, в чьих интересах действует адвокат. Процессуальное положение лица, в чьих интересах действует адвокат, номер дела (последние - при участии адвоката в конституционном, гражданском, арбитражном, уголовном или административном судопроизводстве, а также по делам об административных правонарушениях);
 - 12) указание на запрашиваемые сведения, в том числе содержащиеся в справках, характеристиках и иных документах; при необходимости - обоснование получения запрашиваемых сведений;

13) указание на способ передачи запрашиваемых сведений (почтовым отправлением, факсимильной связью, на электронный адрес, на руки);

14) перечень прилагаемых к адвокатскому запросу документов (при наличии);

15) дату регистрации адвокатского запроса;

16) подпись адвоката, направившего запрос, с указанием фамилии и инициалов.

6. Адвокат вправе приложить к адвокатскому запросу любые документы или их заверенные копии.

III. Порядок направления адвокатского запроса

7. Адвокатский запрос на бумажном носителе может быть направлен почтовым отправлением, факсимильной связью, а также доставлен лично или через представителя.

8. Адвокатский запрос в электронной форме может быть направлен в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также в общественные объединения и иные организации - при наличии у них организационной и технической возможности для рассмотрения запроса в электронной форме.

9. Адвокатский запрос регистрируется в журнале регистрации адвокатских запросов, который ведется адвокатским образованием. Рекомендуемый образец журнала регистрации адвокатских запросов содержится в приложении № 2 к Требованиям.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1
к требованиям к форме, порядку
оформления и направления
адвокатского запроса

Рекомендуемый образец

(полное или сокращенное (при наличии) наименование
органа государственной власти, органа
местного
самоуправления, общественного объединения
или иной
организации, куда направляется адвокатский
запрос)

(почтовый адрес органа государственной
власти, органа
местного самоуправления, общественного
объединения
или иной организации, куда направляется
адвокатский запрос)

от адвоката

(фамилия, имя,
отчество (при
наличии))

имеющего регистрационный № _____
соглашение либо ордер, либо
доверенность _____ ,
(номер, дата)

осуществляющего деятельность в _____

(полное или сокращенное (при наличии)
наименование адвокатского
образования)

(почтовый; электронный
адрес номер телефона/факса
(при наличии))

АДВОКАТСКИЙ ЗАПРОС №

(регистрационный номер)

В соответствии с пунктом 1 статьи 6.1 Федерального закона от 31 мая 2002 г.
№ 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»
в целях оказания квалифицированной юридической помощи _____

(фамилия, имя, отчество (при наличии) физического лица или полное наименование юридического лица, в чьих интересах действует адвокат; процессуальное положение лица, в чьих интересах действует адвокат, номер дела (последние - при участии адвоката в конституционном, гражданском, арбитражном, уголовном или административном судопроизводстве, а также по делу об административном правонарушении) прошу предоставить _____ .

(запрашиваемые сведения, в том числе содержащиеся в справках, характеристиках и иных документах; при необходимости - обоснование получения запрашиваемых сведений)

Сведения прошу передать

(указать способ передачи: почтовым отправлением,
факсимильной связью, на электронный адрес,
выдать на руки)

Неправомерный отказ в предоставлении гражданину, в том числе адвокату в связи с поступившим от него адвокатским запросом, и (или) организации информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, несвоевременное ее предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации влекут ответственность, установленную законодательством Российской Федерации¹.

Приложение (при наличии):

Дата регистрации адвокатского запроса

(подпись адвоката)
инициалы)

(фамилия,

¹ Статья 5.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 1 (ч. 1), ст. 1; 2010, № 23, ст. 2790; 2016, № 23, ст. 3284).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2
к требованиям к форме, порядку
оформления и направления
адвокатского запроса

Рекомендуемый образец

ЖУРНАЛ РЕГИСТРАЦИИ АДВОКАТСКИХ
ЗАПРОСОВ

Рег. № адвокатског о запроса	Дата регистраци и адвокатског о запроса	Наименование адресата -органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественного	Фамилия, имя, отчество (при наличии), адвоката, направившего запрос	Реквизиты ответа на адвокатский запрос

28 октября с.г. в гостиничном комплексе «Измайлово» состоялся XIV отчётно-выборный съезд Федерального союза адвокатов России. В нём приняли участие свыше семидесяти делегатов от многих областей и республик страны, в основном, это руководители региональных отделений этой общественной адвокатской организации – президенты и вице-президенты адвокатских палат, а также почётные гости: представители Федеральной палаты адвокатов РФ, Минюста, других общественных адвокатских объединений.

Был избран президиум мероприятия из почти двадцати человек, а также редакционная, финансовая и счётная комиссии и секретариат. С обстоятельным докладом, подводющим итоги прошедшего со дня предыдущего съезда двухлетия и намечающим пути на будущее, выступил президент ФСАР, президент Адвокатской палаты Московской области А.П. Галоганов.

В начале выступления он напомнил, прежде всего для молодых коллег и впервые участвующих в таком мероприятии, об этапах становления Федерального союза, ведущего свою хронологию ещё от июньских дней 1990 г., когда в Свердловске состоялся учредительный съезд союза адвокатов РСФСР. С созданием ФПА роль и значение союза несколько изменились, но он нашёл и освоил общественные ниши для своей деятельности. Это, как и прежде, помощь в достойной защите прав адвокатов, а они в последнее время грубо нарушаются в части общения с подзащитными в СИЗО, участие членов в различных общероссийских и региональных выборах от лица ФСАР, сотрудничество в разных аспектах с движением «Бессмертный полк России» и с медиками. Так вскоре состоится научная конференция по судебной медицине совместно с известным кардиохирургом Лео Бокерия. С участием Федерального союза проводятся и международные юридические конференции, крепнет участие адвокатских «общественников» в законотворческой деятельности на различных федеральных и местных площадках. Проблем у союза хватает, однако радуется, что в прошедшем периоде некоторые региональные отделения, такие, например, как рязанское и брянское, заметно активизировались. Значит, резервы роста и перспективы имеются.

Затем с приветственными словами в адрес съезда выступили почётные гости: руководитель исполкома Общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России» Е.К. Калгина, заместитель директора департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Минюста РФ И.А. Залуцкая и президент Гильдии Российских адвокатов, одновременно входящий и в руководство ФСАР, Г.Б. Мирзоев.

После начались рабочие моменты съезда. Руководитель Ревизионной комиссии ФСАР адвокат АПМО В.А. Фомин доложил об исполнении сметы организации в 2015-16 гг. и о проекте сметы на будущий период. По различным вопросам адвокатуры и союза выступили первый вице-президент ФСАР В.Г. Тарасенко, председатель комиссии по правам адвокатов ФСАР, адвокат АПМО Ю.В. Щиголев, новый председатель Рязанского отделения союза В.П. Смирнов, первый вице-президент ФСАР, президент АП Удмуртской Республики Д.Н. Талантов, первый вице-президент ФСАР, адвокат АПМО И.С. Яртых, исполнительный вице-президент ФПА РФ А.В. Сучков, первый вице-президент ФСАР, адвокат АПМО Ю.Г. Сорокин, адвокат АПМО В.В. Набоков, член Ревизионной комиссии ФСАР, адвокат АПМО Е.А. Цуков, вице-президент ФСАР, председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва) Н.Н. Клён и московский адвокат Г.Б. Зубовский. Завершил выступления вице-президент Федерального союза, вице-президент АПМО М.Н. Толчеев предложением обсудить проект решений съезда.

Данный проект, уже имеющийся на руках у делегатов в письменном виде, и был принят за основу. Решено, в частности, признать работу Федерального союза адвокатов России за истекший период удовлетворительной. Дальнейшее содействие укреплению единства адвокатского сообщества и усиление его авторитета в стране, развитие международных

связей с адвокатскими объединениями других государств, содействие повышению профессионального мастерства адвокатов, защита профессиональных и социальных прав коллег определены как первостепенная и важная задача ФСАР. Съезд также всемерно поддержал Рекомендации Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека от 27.03.2016 г. о дополнительных гарантиях независимости адвокатов и рекомендовал продолжить работу по привлечению адвокатов к более активному участию в формировании и деятельности различных органов власти РФ и субъектов страны. ФСАР содействует в оказании бесплатной квалифицированной государственной юридической помощи малоимущим гражданам, считает необходимым активизировать свою методическую, издательскую и информационную деятельность. Продолжится взаимодействие с Федеральной палатой адвокатов России, Министерством юстиции РФ, исполнительными и законодательными органами государственной власти, Ассоциацией юристов России, Ассоциацией адвокатов России, Гильдией российских адвокатов, Международным союзом (содружеством) адвокатов, движением «Бессмертный полк России» и другими общественными объединениями по вопросам развития, совершенствования института адвокатуры и гражданского общества. Продолжится образование новых региональных отделений ФСАР. Ежемесячные взносы члена Федерального союза решено оставить на прежнем уровне – 50 рублей в месяц.

Новым президентом ФСАР единогласно переизбран А.П. Галоганов. Сформирован президиум союза в количестве шестидесяти семи вице-президентов, куда вошёл также известный московский адвокат и юрист М.Ю. Барщевский. Произошли перестановки и среди первых вице-президентов. Из их числа вышел Г.М. Резник, оставшись «простым» вице-президентом. А новыми первыми вице-президентами ФСАР стали президент АП г. Москвы И.А. Поляков и вице-президент АПМО М.Н. Толчеев.

В ходе мероприятия произошли награждения. Почётной грамоты ФСАР удостоились на съезде Б.Г. Юмадилов, Г.Г. Гаязов, П.П. Батулин, Д.Н. Талантов. Ю.В. Щиголев и президент АП г. Севастополя А.В. Жерновой.

СОДЕРЖАНИЕ Вестника «АПМО» №4-2016 г.

1.Решение №11/23-1 Совета АПМО от 28 ноября 2016 г. о созыве XVI очередной конференции адвокатов Московской области (рубрика «В Совете Палаты»)	<u>стр.1</u>
2.Принятие присяги адвоката 19 октября 2016 г.	3
3.Принятие присяги адвоката 28 ноября 2016 г.	4
4.Принятие присяги адвоката 21 декабря 2016 г.	5
5.План работы Совета АПМО на I квартал 2017 г.	6
6.А.В. Никифоров. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за второе полугодие 2016 года («Дисциплинарная практика Палаты»)	<u>8</u>
7.И вновь о ситуации с задержками оплаты по назначению («Помощь по назначению»)	35
8.Письмо Федеральной палаты адвокатов РФ президентам адвокатских палат субъектов Российской Федерации от 22.12.2016 г. о задолженности оплаты защиты по назначению.	36
9.Заключение Экспертного совета АПМО по обращению В.Н. Мусяйки относительно практики продления срока содержания под стражей свыше 18 месяцев на стадии предварительного следствия («В Экспертном совете Палаты»)	<u>37</u>
10.Заключение Экспертного совета АПМО по Концепции содействия развитию социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации (по запросу Общественной палаты РФ)	48
11.Правовая позиция ФПА РФ от 27.10.2016 «О родственных связях адвокатов и судей» («В Федеральной палате адвокатов»)	<u>49</u>
12.Правовая позиция ФПА РФ от 02.11.2016 «О проектах федеральных законов».	51
13.Правовая позиция ФПА РФ от 11.11.2016 «О проекте федерального закона №12445-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»».	54
14.Правовая позиция ФПА РФ от 13.12.2016 «О проекте федерального конституционного закона №36765-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»».	58
15.Правовая позиция ФПА РФ от 16.12.2016 «О проекте федерального закона №40165-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства)».	61
16.Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 окт. 2016 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Суханова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьёй 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»» («Именем Закона») <u>66</u>	
17.Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 окт.2016 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алиева Гаджи Алиевича, Бадамшина Сергея Викторовича и Ивановой Александры Павловны на нарушение их конституционных прав статьёй 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».	69
18.Приказ Министерства юстиции Российской Федерации №288 от 14 дек.2016 г. «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса» (с двумя приложениями) («Адвокату на заметку») <u>77</u>	

19.Достоинo защищать права адвокатов («В Федеральном союзе адвокатов»)	88
20.СОДЕРЖАНИЕ	90

Главный редактор Ю.М. Боровков
Выпускающий редактор А.А. Горшенков